

Тальяна Орлова

Книга 2

ВОСХОЖДЕНИЕ
МРАКА

ЖЕНА БОГА

Жена бога (дилогия)

Тальяна Орлова
Восхождение Мрака

«Автор»

2023

Орлова Т.

Восхождение Мрака / Т. Орлова — «Автор», 2023 — (Жена бога (диалогия))

Император убит. И пока претенденты на трон сражаются меж собой, Ви не упустит шанса – темным пора возродиться! Противостояние дочери Мрака со служителем Света так отчетливо отдает затаенной страстью, что не дает покоя. Однако выбор обоих не связан с личным счастьем, они обязаны забыть о желаниях и исполнить свой долг. Враг остается врагом, даже если бесконечно любим.

Содержание

Глава 1. Половина тысячи	5
Глава 2. Нила и Кадим	9
Глава 3. Новый Свет	15
Глава 4. Страх	21
Глава 5. Неспособный на зло	26
Глава 6. Чистая кровь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тальяна Орлова

Восхождение Мрака

Глава 1. Половина тысячи

Смерть похожа на сладкий глубокий сон, и всегда неприятно, когда кто-то извне тревожит разум и вынуждает открыть глаза. Я не помнила ничего, не осознавала себя и не испытывала мучений. Боль догнала меня намного позже. Оказывается, о настоящей боли я ничего не знала прежде. И ее вскрывали чужие слова, как будто без того было мало:

– Не получается. Это был хороший удар.

Казалось, даже движение ресниц вызывает невыносимое жжение внутри живота. Разум вернулся лишь отчасти, но этого хватило, чтобы припомнить детали: говорящего зовут Арай Сэрс, это он убил императора, а затем расправился с гвардейцами. Разозлился, что я нарушила его планы, и спасти меня не успел – его противники тоже были сильны и быстры, он попросту не смог одновременно остановить каждого. Я не сильна в лекарском искусстве, но и так понятно: лезвие меча, сотканного из светлой магии, прошло все мои внутренние органы, ничего целого не осталось – и не будь я чистокровным демоном, умерла бы в ту же секунду. Моя темная кровь подарила мне еще целую минуту, которую тянут и тянут чужим вмешательством. У кейсара четвертого круга невероятные способности к исцелению, но не любое ранение можно залечить. Я с этим уже смирилась, закончила свои дела, оставила незавершенную месть кому-то другому, кто следующим явится из Мрака. Мне больше не нужно страдать.

Постепенно дошло, что я прихожу в себя далеко не в первый раз. Открывала глаза, думала о том же, затем снова проваливалась в смертельное забытие. Но Арай не оставлял попыток. Я смирилась – он нет. И, вполне возможно, эту фразу я уже ему говорила:

– Знаю, что не можешь отпустить начертанную. Но хватит...

Вместо звуков из моего рта раздались лишь булькающие звуки. Лицо перед моими глазами оставалось бесстрастным, хотя Арай точно понял сказанное, поскольку начал объяснять, как будто мы вели осмысленный диалог:

– Ты приходишь в себя и снова уходишь. Улучшений нет, пока удастся просто удержать каплю жизни.

Смотреть было больно, двигаться – невозможно. Но я понимала, что сейчас мы оба находимся не в королевской башне, а в какой-то пещере. И я больше не обнажена – тело завернуто в ткань. Белая ряса – я догадалась сама. Ведь на Арае только испачканная кровью шелковая рубашка и штаны. Появись у меня силы смеяться – расхохоталась бы в голос, ведь он впервые добровольно разделся передо мной до такой степени. Жаль, что поздно.

– Арай, не надо, – снова прохрипела я. – Устала... жить.

И вдруг в серых радужках что-то блеснуло, а в безразличном голосе я различила легкий нажим:

– Устала жить? Ответ на пару вопросов – и умирай на здоровье. Сколько вас выбралось из Мрака? Как?

От подобного даже боль притупилась. Оказывается, он спасал меня не потому, что боялся потерять любимую, просто лучшему служителю Света нужны ответы. Или я перестала испытывать рези, поскольку сознание снова утекало? Но вдруг в поле зрения попали какие-то вспышки – Арай все это время удерживал руку над моим животом, а сейчас усилил магию, чтобы я не впала в беспамятство. Я даже испытала кратковременный прилив сил и решила ответить честно:

– Двое. Ты и я.

– Опять несешь эту чушь, – монотонно отреагировал он. – Я не демон.

Я, собрав всю силу духа, распахнула глаза и прибавила голосу громкости:

– Очнись, Арай! Ты выбрался оттуда же. Принесли тебя, привели или вышвырнули – не так уж важно. Что-то не так с нашей кровавой помолвкой, от нее только имена и остались. Но признай уже правду хотя бы для самого себя.

Этот рывок стоил мне всего – и теперь никакое свечение уже не могло помочь. Глаза закатились, я рухнула в бессознательность, как в бездонный колодец, и последний отголосок, что я услышала, был:

– Попробую иначе.

И это его «иначе» сделало полное ничто неуловимо иным: темнота завихрилась вокруг, убивая боль и все, чем я когда-либо являлась. Больше не было Виалары-Хорры, будто дочери клана красных демонов никогда и не существовало. Но она не умерла – напротив, она как раз родилась.

* * *

Арай старался не думать о цене своей жертвы и не вспоминать, как сложно ему далась первая медитация, которую он всерьез никогда не думал повторять. За тысячу лет можно так служить Свету, что этого будет вполне достаточно. Пятьсот – тоже немало, раньше ему казалось, что и сотни лет хватит. Но все пошло не по задуманному плану, поэтому теперь он ни в чем не был уверен. А все из-за нее – демонской девчонки, которая своим вмешательством испоганила важнейшее дело его жизни.

Он притащил ее в пещеру на севере герцогства Мейз, которую обнаружил, когда ушел за четвертым кольцом. На самом деле он тогда в первую очередь преследовал не эту цель – хотел привести в порядок мысли и эмоции, которые после знакомства с Ви здорово перетряхнуло. Но, справившись с этой задачей, он заодно решил и вторичную. Да только вся его выстраданная гармония снова затрещала по швам, когда он вернулся и возобновил общение. Арай знал, что слишком сильно привязался к девушке, начал выделять ее из остальных смертных – он мог быть с собой до конца откровенен и признать, что она ему в некотором роде нравилась. И в какой-то момент он даже допустил мысль, что после того, как сделает Властителем Света своего безупречного господина, разрешит себе поблажку – нет, пусть не романтические отношения, но хотя бы общение с необычной полукровкой. Которая, впрочем, оказалась отнюдь не полукровкой.

Ей – как и всему миру – повезло, что Арай давно научился гасить злость в зародыше, а в другом случае мало кто остался бы живым в радиусе ста дней пути от императорского дворца. Он с первой встречи менял из-за Ви свои планы, но произошедшее сегодня было слишком весомым. Уйдя из Сэрс, он попал на службу к герцогу Мейзу, и уже там оформилась стратегия. На престоле должен сидеть благочестивый господин, а не распутный полудурок, упивающийся своим долголетием и вседозволенностью. Он даже сыновьями за сто лет не обзавелся, лишь бы никому не пришло в голову, что подрастающее поколение справилось бы лучше. Большинство проблем в государстве связаны лишь с тем, что некому заниматься обустройством справедливого порядка. Винсент Мейз не просто оказался достойным высшей власти, но еще, по случайному совпадению, первым наследником короны. Под его правлением за несколько лет все изменится до неузнаваемости, и пусть голод, нищета, разгул фанатиков полностью не исчезнут, но их станет намного меньше. За несколько лет службы Арай проверял его в разных ситуациях, и господин десятикратно оправдал его ожидания.

Но у Мейза был один ключевой недостаток – он всегда поддерживал старшего брата и никогда не занял бы его место нечестными методами. К тому же претендентов, мечтающих о короне, и без него хватало. Араю пришлось действовать осторожно и медленно – так, чтобы

ни у кого, включая самого герцога, не возникло сомнения в его праве на престол. Такое даже взыбалмошный скандалист Нарегга принял бы как непреложный факт.

Император окружил себя сильнейшими заклинателями – они не только охраняли его, но и помогали отследить любые проклятия. Убить его незаметно, находясь в отдалении, было невозможно. Поначалу Арай просто привлекал к себе внимание, и, наконец, после дела барона Вергаса заклинателя заметили и представили его величеству. К сожалению, Мейз долго скрывал предложение старшего брата переманить Арая к себе на службу, но рано или поздно это должно было произойти. Что для кейсара четвертого круга клятва верности, которую проводят заклинатели слабее него самого? Но даже после того, как он вошел в личную гвардию императора, спешить было нельзя. Сэрс уже приготовил проклятие самого тонкого плетения, которое намертво прорастает в ауру и за несколько месяцев убивает жертву, но кто-то из кейсаров может вмешательство заметить – снять уже не сумеют, но подозрение будет однозначным. Свадьба оказалась настоящим подарком: на празднике собралось множество людей, в том числе и недоброжелателей, и потом, когда Саймон Сто Девятый умрет, подозреваемыми окажутся десятки. Арай непременно числился бы в списке первых, но далеко не единственным. Он даже был готов отправиться на плаху за то, что не уберет своего нового господина, но сразу после коронации Мейза.

А Ви испортила многолетнюю подготовку. Разве она не понимала, что живой из дворца не уйдет? Зачем она вообще вмешалась – просто потому что демоны не могут воздержаться от зла? Если бы ей удалось, то все равно обвинили бы Мейза, поскольку она считалась его воспитанницей. Поэтому Араю пришлось все переиграть и теперь столкнуться с последствиями.

Он смотрел на ее израненное и почти бездыханное тело, уже приняв решение. Арай иногда думал о том, что его действительно привязали к этой девушке «кровавой помолвкой», в любом другом случае она не казалась бы ему такой красивой, как сама богиня Света. В иной жизни он мог бы жениться на ней, выбрав из сотен вариантов единственный. Любил бы ее, делил бы с ней постель и всячески потакал бы ее вздорному характеру, лишь бы продолжала улыбаться и заставляла улыбаться его. Но жизнь одна – и в ней для адепта школы бесчувствия невозможно личное счастье. Ви сама подкинула ему гору новых проблем, которые он теперь будет вынужден по очереди расхлебывать.

И начать придется именно с нее – вытащить обратно на Свет любой ценой. Пусть просто будет где-нибудь, раз уж все равно помешала ему в главном. И ответы нужны не только заклинателю, но и будущему Властителю Света: если демоны нашли способ преодолевать барьер, то с этой задачи тому придется начать после воцарения. Ви солгала или не знала – она была не единственной, кто пробился из Мрака наружу. Арай узнал об этом уже после поступления в гвардию от сослуживцев – несколько десятилетий назад был пойман чистокровный, который предпочел откусить себе язык, чем быть допрошенным. У того уже подробности не узнать, но демонов, возможно, при Свете теперь десятки – перебираются по одному, чтобы собрать армию и устроить хаос.

Поскольку обычное целительство не помогало, Арай перешел к крайним мерам. Ему тысяча лет досталась непросто, но он не видел другого варианта, кроме как отдать половину – тогда смертельные раны сожрут не меньше века, но запас у Ви все-таки останется. Сложнейшая и самая глубокая медитация, в которой они оба заглянут друг в друга – этого он уже не боялся: все равно самое тайное о нем Ви уже знает, как и он понял о ней важнейшую вещь. Поскольку Сэрсу еще никогда не приходилось делать подобного, он совсем не был уверен, как именно будет протекать этот передел: их разумы только переплетутся на минуту, пройдутся по поверхности или захлебнутся друг другом?

Лег на стылый пол, нехотя придвинулся ближе. Поправил рясу на ее голом плече, задержал на секунду пальцы на коже шеи. Положил руку на ее затылок и придвинул к себе, прижимаясь лбом к ее. Скорее всего, через несколько часов или дней Виалара вернется живой и

здоровой, чтобы еще сотни лет разрушать его сознание и уничтожать внутреннюю гармонию. Арай совершал ошибку, о которой потом многократно пожалеет?

Безусловно.

* * *

Моя семья никогда не была богатой, но и голодать нам не приходилось. Отец пас овец, а мать пряла пряжу из овечьей же шерсти. Кажется, вся наша большая деревня до доньшка пропахла овцами, но в детстве мы не замечали трудностей и были довольны каждым прожитым днем.

– Нила! Это снова тебя дружки с улицы зовут? – Мама все-таки заметила, как я крадучись пробираюсь к двери. – Тебе уже семь лет, негоже постоянно общаться только с мальчишками! Ты даже на девочку не похожа, чучело лохматое!

Я потрепала рыжую косичку – как сумела заплести, так и заплела, зачем придирается? А мать все еще была чем-то недовольна:

– Если узнаю, что вы снова ходили в лес, уши надеру! В прошлый раз Кадиму отец так задал, что он сидеть неделю не мог – и все вам нипочем. Это все влияние Рейна! Отца у ребенка нет, вот бездарем и растет!

– Ну ма-ама, – жалобно заныла я. – Не пойдем мы в лес, даже не собирались! Рейн уже несколько букв выучил – говорит, что так скоро и читать начнет. Врет же? Мы объясним ему, что врёт, да я сразу домой прибегу!

Она с тяжелым вздохом смирилась:

– Иди. Только ни шага за окраину! Поймает вас демон – сожрет целиком. Эти злобные твари как раз детей на завтрак предпочитают. Да-да, ты ему на один зубок, Рейном закусит и только потом Кадимом подавится.

Демонов я боялась, но любопытство заглушить не могла: куда ж бежать мне с верными дружками, если всем троим четко приказано – только не в лес? Это ведь такое искушение! Кадим – очень сильный, в свои восемь лет выглядит на целых девять, недаром сын кузнеца. А Рейн – шустрый и сообразительный. Не пропадем.

Глава 2. Нила и Кадим

Мы выросли вместе, и, возможно, наше душевное родство обязано было перерости в нечто большее. Первые ухаживания мальчишек я не воспринимала всерьез и не обращала внимания, когда один из них беспричинно злился из-за моего равнодушия или если я проводила со вторым больше времени. Кадим психовал яростнее тихони Рейна, но все же никогда не переступал черту: он все еще считал товарища своим подопечным и не отворачивался от него даже в периоды всплеска чувств. Так же вел себя и щупленький Рейн – он никогда не забудет доброту Кадима, хотя тот в шестилетнем возрасте вряд ли понимал, что совершал поступок, достойный взрослого мужчины.

Деревенские ребяташки часто собирались одной гурьбой, зимой вместе катались на санках с небольшой горки, весной бродили по лужам, осенью жгли листья, разводя дым на три села, летом бегали купаться на речку – старшие присматривали за младшими, а родители тем временем могли заниматься работой. И однажды Кадим заметил, что мальчик из ветхого дома на отшибе никогда не приходит веселиться с нами. Дети притихли, а потом зашумели хором, выказывая свои версии. В тот день я впервые услышала слово «шлюха».

Именно ею и слыла мать Рейна, так считали сельчане, не исключая и моих родителей. Понесла ребенка от какого-то проходимца, а потом всем рассказывала, что ее возлюбленный – самый настоящий заклинатель, она собственными глазами видела чудеса, что он мог творить. И он бы непременно вернулся к ней и своему сыну, если бы не погиб в схватке с демонами. На вопрос, откуда она узнала, что ее женишок умер, отвечала просто: «Чувствую». Разумеется, ей никто не верил, поговаривали даже, что спуталась она с демоном. Ведь всем понятно, что светлый заклинатель никогда не бросил бы жену на сносях, а вот для мерзкого демона это в порядке вещей. И если интрижку деревенские простить могли, то последнее – ни в каком случае. Уж точно не после новостей, как носители черной магии проклинают честных людей, собираются в банды и нападают на благородных служителей. Каждому было известно, что если в поселение пришла болезнь или мор – это проделки злых сил, насланных нечестивцами.

Еще в молодости моих родителей никто не называл демонов демонами, но за последние десятки лет название прижилось. Все верили в богов – а раз боги существуют, то существуют и демоны, как противоположная сторона. Но если боги живут на небесах, то демоны пустили корни прямо в человеческом мире, чтобы быстрее его уничтожить. Подтверждением этой догадки стало открытие Мрака – места, откуда эта нечисть и просочилась на Свет. Шестидесять лет назад один из кейсаров пятого круга не рассчитал силы и устроил самый настоящий взрыв в предместьях замка Соллар. Кратер был огромный, но на его дне обнаружилась дыра, ведущая в иной мир – серый, чужой, похожий на ад, как тот представлялся обычным людям. Сразу стало ясно, откуда среди порядочных людей просочилась темная кровь, и от этой заразы требовалось избавиться. Поначалу их отлавливали и сжигали на кострах, но оказалось, что темных заклинателей слишком много – пока уничтожают одного, подрастает его потомство. Этим мерзавцам хватило наглости не просто спрятаться и осесть на северном холме, но и организовать там орден, где они хотели собирать всех одаренных темной магией детей и учить их быть еще большими злодеями. Назвали они свой орден «Сэрс», что в переводе со старого языка означало «свобода». Кстати говоря, никто уже не использовал этот язык, он встречался только в старых трактатах, но демоны его возродили и начали активно изучать, чтобы иметь возможность общаться между собой и передавать тайные послания, поэтому скоро тот язык стал именоваться демонским наречием. Конечно, когда светлые маги узнали об этом месте – захватили его и уничтожили всех темных адептов, а построенный храм использовали для собственных нужд. Звучное название не поменяли сразу, а после, когда древний язык стал считаться проклятым, оно окончательно прижилось и истоки его забылись. Но это уже не было

бедой, поскольку приказом императора теперь в Сэрс готовили сильнейших светлых заклинателей.

Из-за подобных слухов все сторонились матери Рейна. Женщина жила впроголодь: выращивала овощи, пару раз в неделю пешком шла в город, чтобы отдать их там торговцу за бесценок. Пока ребенок был маленьким – таскала его на спине, а после начала оставлять дома. И когда Кадим об этом узнал, его чувство справедливости проявилось в полной мере: он заявил, что даже если тот мальчик – демоненок, он все равно может играть с остальными. Вот только страх перед темными магами в ту пору вырос до горных вершин, поэтому Кадим смог уговорить только меня. Мы начали бегать к одинокому Рейну, когда его матери не было дома, таскали ему украденные на своих кухнях пирожки, играли с ним, после уже звали и к себе. Очень быстро стало понятно, что никакого зла в этом мальчике нет: наоборот, он всегда был очень чувствительным и добрым. Мы были так верны своей дружбе, что и наши родители с ней постепенно смирились – они тоже видели, что Рейн в сравнении с остальной ребятней очень тихий и спокойный. Возможно, даже молчаливо признали свою ошибку – теперь его называли просто безотцовщиной, а не демонской полукровкой.

Но в возрасте пятнадцати лет Рейн заставил всех умыться. Они с Кадимом организовали смешную драку еловыми ветками, и Рейн так вошел в азарт, что в какой-то момент из его руки посыпались серебристые искры. Эта новость заставила всех притихнуть, одна его мать голосила:

– Я же вам говорила, говорила!

Самые совестливые перед ней извинялись, но, к сожалению, ее здоровье уже было порядком подорвано тяжелой жизнью – она умерла, даже не дождавшись возвращения сына из ордена. А в школе светлых заклинателей Рейн проучился всего три года. Его отправили домой, дав базовые знания, но резерв его не был велик, поэтому сильным магом ему стать было не суждено. Это было печально, но ни один из нашей троицы не мог скрыть радости: наша компания снова соединилась. И мы не сразу тогда поняли, что детской дружбы уже не будет – мы выросли и начали испытывать новые эмоции.

Увидев Рейна после долгой разлуки, я долго не могла выпустить его из объятий. Возможно, этот восторг я и приняла за настоящую влюбленность, ведь прежде никогда не испытывала ничего ярче. И когда через несколько месяцев Рейн признался мне в любви – мое сердце отозвалось громкой песней. Помню, как прибежала в тот день к матери и сказала, что выйду за него замуж. На что получила твердый отказ:

– С ума сошла? У него силы кроха – на ней не прокормишься! Если уж выбирать из твоих дружков, то Кадим намного лучше. Какой он работающий, высокий, широкоплечий, загляденье! Не заметила, что девки из соседних сел бегают к нам, чтобы ему на глаза хоть раз попасться? Нила, у тебя разум помутился, если из двоих ты выбрала безнадежного хлюпика, который только и умеет что читать?

Я долго протестовала, но потом свои чувства открыл мне и Кадим. А ведь его я тоже любила с самого раннего детства. Сильный, смелый, справедливый, он точно заслуживал уважения. Весь мой разум выделял неоспоримые достоинства Кадима, но душа продолжала тянуться к Рейну. Я была слишком молода для окончательного выбора, поэтому пока оставила решение. Однако наша дружба сама собой развалилась – от предыдущей легкости не осталось и следа, она сменилась неловкостью. Мы больше не знали, о чем говорить, если нельзя было затрагивать запретную тему. Я обучилась на швею и целыми днями выполняла заказы городских торговцев. Рейн учил деревенских ребятшек грамоте. А Кадим не только помогал отцу в кузнице, но и сильно расширил дело – договорился о постоянных заказах от крупных купцов, расширил в два раза дом, начал разводить породистых лошадей. Их семья уже могла считаться самой зажиточной в нашей деревне, а через несколько лет Кадим мог бы уже посоревноваться

в богатстве с самыми удачливыми городскими дельцами. И со временем я начала думать, что детская влюбленность у всех троих прошла, она была неизбежна, но скоротечна.

Но потом разразилась катастрофа: светлые заклинатели решили раз и навсегда избавить мир от демонской чумы, и тогда Рейна призвали на службу. Для такого удара нужны были все заклинатели, пусть даже самые бесталанные. В родной деревне за один день забыли все плохое, что когда-либо говорили о матери Рейна и о нем самом – собрались вместе на центральной улице и долго молчали. Я тоже понимала причину общей скорби. Демоны беспощадны, в битве выживут лишь сильнейшие светлые маги, а слабых будут использовать как пушечное мясо. У него нет силы поднять магический щит или призвать оружие, у него нет скорости и мощи, присущей чистокровным магам – так и что он противопоставит монстрам на поле боя? Провожали его всей молчаливой процессией, будто уже хоронили. Тогда даже моя мать прослезилась. Рейн ей никогда особо не нравился, но это не означало, что она желала ему верной гибели в схватке с неравными противниками.

Но я ждала. Неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом я продолжала его ждать. Того самого тощего невысокого паренька с вечно грустными глазами, по которому всегда ныло сердце. И чем больше проходило времени, тем четче я понимала, что ждать его не устану. Свои заработки я тратила на вино – казалось, что в шумной компании выпивох хотя бы ненадолго душа затихает. Порой давала себе слабину – и приглядывалась к возможным ухажерам, но ни один из них не мог удержать моего интереса. Все иные знакомые были не так мудры и рассудительны, каким я запомнила Рейна.

Когда Кадим пришел свататься, я немного удивилась, но твердо отказала. После его ухода на крики родителей ответила:

– Я его дождусь.

– Кого дождешься? – кричала в истерике мама. – Нила, проснись, Рейна уже давно нет! Но здесь не осталось его родни, поэтому никто нам не сообщал!

– Я его дождусь, – повторяла я упрямо. – Может, когда он вернется, уже будет древним стариком, а я старухой. Тогда хоть последние дни жизни проведу рядом с ним.

Она, как и все остальные, просто не понимала, что он всегда был особенным, и не только для меня: Рейн мыслил так, что невольно заставлял задумываться о вещах, которых прежде вовсе не замечались. Но через несколько месяцев я была вынуждена прислушаться к стенаниям матери, которая уже была стара, а отец жаловался на здоровье.

– Нила, доченька, ты себя загубить решила, но заодно ведь и нас губишь. Кто о нас позаботится, когда совсем сляжем? Посмотри, как Кадим за своим отцом ухаживает! Такой хороший человек вырос.

Я припомнила:

– Он ухаживает за отцом, потому что тот надорвался в кузнице, когда Кадим собрал столько заказов, что они справиться не могли.

Знала, что рассуждаю несправедливо. Кадим на самом деле был примерным сыном и родных не бросил бы в любом случае, пусть даже не терзался бы чувством вины. Такие разговоры постепенно меняли мою убежденность. Раз на себя мне стало плевать, то не пора ли смыслом жизни поставить чужие цели?

На свадьбе я пела громче всех, а плясала так, как будто когда-нибудь танцы вовсе запретят и мне непременно было нужно натанцеваться на всю оставшуюся жизнь. Целовала Кадима искренне и страстно. С той же искренностью отправилась с ним в постель. Заниматься любовью оказалось болезненно и противно, но я делала вид, что стораю от наслаждения. Меня больше не было, а бездушная кукла с лицом Нилы вполне могла изображать что угодно.

Но Кадим был ко мне бесконечно добр и щедр. Он потакал всем моим капризам, любым способом поднимал мне настроение. Я каждый день меняла украшения, вызывая зависть соседей, но и этим не могла насытить пустоту внутри. Ждала беременности как благословения

богов – мама объясняла, что любовь к ребенку безусловна, а мне непременно было нужно кого-то полюбить. Но, возможно, Свет видел мою фальшивую игру и долгожданного подарка не дарил. Вино стало единственным моим утешением. Только благодаря ему я могла смотреть на мужа и принимать его в себя всякий раз, когда он думал, что я соскучилась по ласке. Компании пьянчуг тоже способствовали моему семейному счастью: на фоне этих бездарей Кадим казался сказочным принцем, я общалась с ними ровно до тех пор, пока не начинала по нему скучать – тогда и идти домой было намного проще.

Одним осенним днем Рейн вернулся. Как раз тогда, когда и я ждать перестала. Праздник организовали такой, что ближайшие села содрогнулись. Я же онемела – за целый день не смогла произнести ни слова: открывала рот и только что-то хрипела. Молча смотрела, как Кадим кричит от счастья, сжимая в могучих объятиях старого друга. Молча слушала, как Рейна называли демоноборцем и великим героем. Молча задавалась вопросом: любила ли я до сих пор этого человека? Он стал совсем другим: жилистым, хмурым, некогда красивое лицо портил уродливый шрам, голос его звучал надтреснуто и скрипуче. Я не знала верного ответа – да и в любом случае уже было поздно на этот вопрос отвечать. Он радостно поздравлял нас с женитьбой, искренне интересовался всем, что произошло за годы его отсутствия – и его встречали так, будто он в каждой семье считался родным сыном.

Я сама пришла к нему через несколько дней, когда Кадим уехал в далекий город для очередной выгодной продажи. Не знаю зачем. Просто рассмотреть его пристальнее и что-нибудь сказать, если все-таки смогу говорить. А то выходило так, будто я единственная, кто ему не рад – не принял бы на свой счет.

Рейн встретил меня в старом ветхом доме матери, у него никогда и не было другого жилья. Разделил по тарелкам жаренное с овощами мясо, пододвинул одну мне и сел напротив, задумчиво улыбаясь. Я смотрела, смотрела – и никак не могла увидеть в нем того невинного мальчика, который лупил еловой веткой Кадима и громко смеялся. Наконец, спросила:

– Разве война закончилась?

– Нет, – он покачал головой. – Эта война бесконечна.

– Но ты вернулся навсегда? – с надеждой уточнила я. – Или снова придется уйти?

Рейн промолчал. Отложил ложку, забыл о еде. Встал и пошел поставить на печь чайник, чтобы нагреть кипятка. Но будто снова запамятовал, что делал, и подошел к кровати. Сел на край, сцепил в замок руки. Наверное, я задала какие-то неправильные вопросы, поэтому попыталась заговорить снова бодрым голосом:

– А ведь получается, что ты оказался сильным заклинателем! Я очень рада, что ты жив, Рейн. А помнишь, как мы с Кадимом учили тебя плавать, хотя сами едва умели? Если ты тогда не утонул, несмотря на наши старания, то каким-то демонам тебя не достать!

Он поднял лицо, но на меня не посмотрел – Рейн глядел на дверь, будто чего-то ждал. Но потом начал говорить – и совсем не о том, о чем я:

– Нила, я ненадолго. За мной придут очень скоро.

Я похолодела.

– Придут?

Рейн медленно вдохнул.

– Да. Я не герой, Нила, а предатель. Только тебе или Кадиму могу об этом рассказать. Я сбежал, искать будут здесь. Меня в любом случае казнят, я хотел успеть напоследок навестить могилу мамы и увидеть тебя.

Кровь отлила от щек. Я поднялась на ноги и бездумно шагнула в его сторону. Замерла – и одновременно замерли все мои мысли. Рейн горько усмехнулся, так и продолжая наблюдать за дверью.

– Я больше не мог, Нила. Когда мы воевали против вооруженных демонов – это было как-то просто и понятно. Добро всегда побеждает зло – и мы обязаны жертвовать собой ради

этой цели. Рядом со мной в строю шагали настоящие кейсары, многие из нас выжили только благодаря их поддержке в магической связке. Мы стали братьями, я знал, зачем дышу и ради чего терплю лишения. Но потом она меня сломала.

Поскольку он надолго замолчал, я вынужденно переспросила:

– Кто – она?

– Демонское отродье, – отозвался он глухо. – Она не отбивалась. Ее маленький ребенок даже не плакал – был слишком испуган, чтобы плакать. А она встала перед нами на колени и начала умолять, чтобы разрешили ей скрыться во Мраке. Клялась жизнью сына, что они никогда оттуда не выйдут. Но демонам верить нельзя, нас этому каждый день учили.

– Вы убили их? Рейн, но ведь это демоны, – я заметила резонно, хоть и не без содрогания. Он покосился на меня и неожиданно улыбнулся.

– Да, Нила, ты права, это демоны – маленькие обоссавшиеся от страха монстры, которые смотрели на нас своими самыми обыкновенными глазами. С тех пор я практически не спал. А почему мы называем их демонами? Разве каждый из них виновен в страшных преступлениях? Они ведь ничем, вот ровным счетом ничем не отличаются от других людей, пока не направляют свой черный дым на зло. С тем же успехом зло можно творить и светлой магией. Я теперь вообще не знаю, кто из нас чудовища. И кого объявят врагом после демонов? Полукровок, внуков полукровок, сочувствующих или ученых, которые по глупости изучали демонское наречие? Лучше бы я погиб в первый день, чем участвовал в том, что уже никогда не закончится.

Мне стало плохо до тошноты, до рвотных позывов. Я покачнулась, но постаралась взять себя в руки и собраться. Не могла представить, прав Рейн в своей щепетильности или сильно заблуждался, но результат один и тот же – скоро за ним придут, чтобы казнить. Он не гордился собой, не упрекал себя и не жалел – он просто бесконечно устал. Рейн не будет доказывать кому-то свою правоту, он сам в ней не уверен и даже не пожелал спрятаться – служители ордена действительно в первую очередь спросят здесь, и каждый сосед покажет рукой, где живет «герой». И это очень жестоко с его стороны – вернуться только затем, чтобы попрощаться.

Его отупленное смирение было заразным. И чтобы вытряхнуть из себя это серое наваждение, я разозлилась. Подошла, дернула его за ворот с такой силой, что пуговицы застучали по полу. Прижалась к губам и яростно укусила. Мне хотелось вернуть ему хоть половину своего отчаянья. Когда-то мы были счастливы – в детстве. А потом плелись неприкаянными душами по жизни, забывая душевные пустоты всем, что подвернется под руку. И Рейн слишком просто сдался – он может укрыться где-нибудь, до конца своих дней просидеть в глухих лесах, но был бы не один, потому что мы с Кадимом никогда не оставим...

Я вздрогнула. Кадим, мой муж, который за все время меня не обидел ни единым словом. Я отпрянула от Рейна, но и он теперь не был тем слабым мальчишкой, образ которого я так бережно хранила в памяти. Уже его сильная рука притянула меня к себе, а жадные губы захватили мои. Вкус крови – то ли моей, то ли его – просочился в рот вместе с настойчивым языком. Именно так ощущается безнадежность – полное безразличие ко всему, что было до и будет после. Он прощался со мной, а я прощалась с ним. Этой неуместной страстью мы просили друг у друга прощения за все, в чем были даже не виноваты. Возможно, это уже была не любовь, а только ее рваные лоскуты и безбрежное отчаянье. Мое лицо было мокрым от слез, но стоило Рейну прекратить яростные движения, как я сама начинала срывать с него одежду. Ни один из нас не мог остановить второго.

Утомленный долгой бессонницей и недавней страстью, Рейн крепко уснул. Я приютила голову на его плече и старалась не разбудить. Именно за это качество он мне когда-то понравился – еще будучи ребенком, он умел смотреть глубже других, и, вполне возможно, в последней мысли оказался единственным правым. Вначале думала, что обязана его убедить скрыться от преследования, но потом поняла – это бессмысленно. Как только заклинатели расправятся с

демонами, они вспомнят о каждом предателе. И уж если тех по одному могут найти, то поиски Рейна не займут много времени. Мне начало казаться, что наша личная трагедия – это ничто в сравнении с трагедией всего мира. Всего за два поколения все изменилось, и снежную лавину уже не остановить. Сила, которую сейчас собрали, натренировали и напитали злостью светлые маги, не исчезнет после окончания войны. Она останется – и будет рассасываться еще сотни или тысячи лет, собирая новых жертв. Когда пропадет один враг, им будет объявлен другой. Кто? Мне это было неведомо, но и перестало иметь значение.

Я по звуку узнала тяжелые шаги Кадима, но не стала распахивать глаза или прикрывать наши голые тела одеялом. Не было никакого стыда – то, что происходило в мире людей, было настолько больше обыкновенного стыда, что для него просто не осталось места. Рейн – уже мертвец. Но мы все трое неразрывно связаны – и волею богов погибнем в один день. Мне почему-то эта мысль показалась простой и очевидной.

Кадим постоял недолго возле двери – я слышала его дыхание. Надо было открыть глаза и объяснить – тогда моя неверность и его ярость ему тоже покажутся слишком мелкими, чтобы их переживать. Но я не успела. Он вышел, а через несколько минут уже некому было что-то объяснять. Да и незачем. Нам троим лучше покинуть этот мир до того, как он целиком заполнится дымом костров и плачем невинных. С той самой минуты, когда «добро» окончательно победит «зло», Свет уйдет отсюда навеки.

Глава 3. Новый Свет

Оказывается, умирать больно – я раньше как-то иначе себе представляла смерть. Но мучение быстро сменяется пустотой и тотчас забывается. Мой взгляд оказался направлен на низкий потолок пещеры, но мысли разнесло сразу во всех направлениях. Ушло несколько часов, прежде чем я вспомнила свое имя – и им оказалось далеко не «Нила». Почти тридцать лет прошло! Тридцать клятых лет, в которых я не была самой собой. Но эти люди жили когда-то давным-давно – еще до изгнания демонов во Мрак, в этом я не сомневалась, ведь моя фантазия не столь бурная, чтобы придумать сотни деталей, о которых я знать не знала.

С большим трудом повернула голову и разглядела Арая – кейсар сидел на пыльном полу, будто забыл о своей неприязни к грязной одежде. Да и поза его была непривычной: он сложил руки на коленях и упер в них лоб, как если бы пытался собрать себя в единое целое. Именно его вид остро напомнил, кто мы и где находимся.

– Арай, – тихо позвала я, но он и через десять минут не откликнулся. За это время я уже успела взять себя в руки – отделила эмоции Нилы от собственных, с мясом отодрала ее жизнь от своей. Приверженцу школы бесчувствия это должно быть сложнее – он вообще с эмоциями знаком лишь поверхностно. Решила разозлить его или рассмешить, лишь бы хоть как-то привлечь к себе внимание: – Арай Сэрс, а ты в курсе, что твое имя с разных языков можно перевести как «чужая свобода»? Представляешь, как забавно? Почти символично.

Забавно – это не про него. Он все еще не поднимал голову. Однако через некоторое время прохрипел:

– Тихо.

Но я не могла унять любопытство:

– Кажется, я теперь знаю, как проходит медитация «тысячелетней жизни». Зря когда-то спрашивала – такое словами не объяснишь.

– Да, ты видела.

Сказав это, он вдруг резко вскочил на ноги, заметался в несвойственной ему суетливости, снес грубо сколоченный деревянный столик и заревел, как раненое животное:

– Сколько времени прошло?! Мейза уже могли убить! Дерьмо!

Опешив, я осторожно выдохнула:

– Арай...

– Я просил меня не трогать!

Он стремительно выбежал из пещеры, зацепив плечом свод. Да, ему гораздо сложнее, не поспоришь. Вон даже стал похожим на живого человека, у которого случилась какая-то беда. А я с удивлением водила ладонью по своему окровавленному животу – рана полностью затянулась, и хоть за столько лет я успела забыть о мучениях, но теперь отметила, что и внутри ничего не болит. То, что Арай тоже был там, угадалось мгновенно, но я не знала наверняка, из чьих глаз он смотрел и чьими ушами слушал. Я в любом случае должна быть ему благодарной за исцеление, но умудрилась разозлить – так откуда мне было знать, что и Арай умеет по-настоящему злиться?

На рассвете выглянула из пещеры и разглядела его сидящим на склоне со скрещенными руками и закрытыми глазами. Ясно, то есть позволить мне сбежать он не собирался – и я знала, что попытка успехом не увенчается. Нашла подходящую дичь – благо в безлюдных местах зайцы и белки не перевелись, накинула паутинку темной магии, призвала кинжал – теперь мне стесняться нечего. Не имея представления, сколько времени Арай собирается приходить в себя, решила одно: горячая похлебка в любом случае будет его ждать. Может, на сытый желудок немного поболеет. Он определенно жил в этой пещере раньше, раз я обнаружила в углу

глиняную посуду, немного высушенных кореньев и даже кривой самодельный очаг, сложенный из серых камней.

К закату он наконец вернулся. Выглядел уже как обычно – непроницаемым бревном. Но все же попытался объяснить произошедшее:

– После медитации кейсар должен выбраться из окованного бронзой гроба – теперь понимаю причину. Было сложно не разнести весь Свет. Сейчас мне стоило бы уйти в долгое уединение и привести разум в порядок. Но на это нет времени. Ты здорова? Было бы обидно узнать, что я выкинул половину своих лет и внутреннюю гармонию в никуда.

То есть он разделит свое тысячелетие – я оценила. Но, подумав, сказала честно:

– Любого другого я благодарил бы со слезами на глазах за такую жертву. Но ведь это ты и я – ради чего вообще жить, если не ради самого близкого человека? Виалар-Сак-Шида, я для тебя без раздумий сделала бы то же самое, так какие между нами могут быть счеты?

– Похоже, совсем нездорова, раз продолжаешь звать меня чужим именем, – сделал вывод он, беря глиняную миску с остывшей похлебкой. – У меня очень мало времени, я должен идти к Мейзу.

Но пока он ел, я сочла время подходящим для более интересных расспросов:

– Это ведь был ты? В той самой жизни был ты?

– Я.

Мне как-то сразу стало легче, как будто теперь не придется объяснять самое важное:

– Я так и подумала! Именно поэтому полюбила Рейна.

Но после долгой паузы Арай выдал неожиданное:

– Нет, Ви. Я был Кадимом.

Удивилась я только вначале, но почти сразу решила, что никаких противоречий нет. Он не был Кадимом в том смысле, в каком является Араем Сэрсом. Как и я не была Нилой – у меня с той безвольной овцой мало общего. Если бы любила я, то пошла бы за своим возлюбленным хоть на битву, хоть на плаху, не стала бы слушать чужие мнения и уж точно не позволила бы тому смириться с неминуемой участью, присоединившись к ней. Мы просто прожили в телах и разумах тех людей, что существовали когда-то давным-давно. И тем не менее расклад виделся ироничным:

– Ну хоть в какой-то жизни я замуж за тебя вышла, возрадуйся, что крошку от меня получил. И все же немного жаль – Кадим как раз самого главного не узнал, поэтому придется объяснять. Еще посмотрим, настолько ли безупречным будет тебе казаться Свет!

– Не надо, – прервал он со вскинутой рукой. – Мне и так сложно совладать с эмоциями. Чем быстрее я все забуду, тем скорее приду в себя.

Не хочет знать, да и чем я смогу убедить – рассказом какого-то там Рейна, от костей которого уже и пыли не осталось? Араю можно говорить только то, что непосредственно касается его самого, и я снова начала осторожно:

– А может, это урок, который не менее ценен, чем тысяча лет жизни? Кем ты будешь, если твоя любимая женщина полюбит другого? Бесстрастным Араем или буйным Кадимом? Не соверши этой ошибки в реальности. Ты демон, дорогуша. Твоя кровь должна кипеть, а все чувства ты переживаешь острее, чем другие. Тебя же не эмоций лишили – из тебя саму твою личность вытравили!

Он доел, отставил миску, встал. Подошел ко мне, взял за горло и рванул вверх, хотя пальцы до хруста так и не сжал. Видимо, ему до прежней гармонии еще топать и топать. Однако говорить старался ровным голосом:

– Нет времени, Ви. Ответь: сколько демонов выбралось из Мрака и как? Или ты родилась при Свете? Тогда где-то должна быть ваша тайная община. Если расскажешь, клянусь сохранить тебе жизнь и обеспечить приемлемые условия заключения.

Я вцепилась пальцами в его каменное запястье и поддалась веселью:

– Отполовинил свою жизнь, чтобы убить меня? Может, ты идиот?

– Убить? – спокойно переспросил он. – Ви, я знаю сотни способов, как заставить человека говорить, сохраняя в нем дыхание. Не хочу делать тебе больно, но буду, если придется. Я служу Свету. Мне и будущему императору нужно знать.

Как же он бесит... Как же невозможно, невыносимо, бесконечно он бесит своей фатальной заикленностью!

– Арай! – заорала я во всю глотку. – Ты служишь не Свету, а самой огромной в истории несправедливости! Вот теперь я жалею, что ты не увидел мир глазами Рейна – парнишка был невероятно мудр, что для светлого заклинателя почти невозможно! Нельзя было истреблять демонов и загонять их во Мрак, тогда-то мир и треснул пополам, а мы до сих пор пожинаем плоды!

Но кейсар остался невозмутим:

– Даже если так, то это сделали предки, а не я. Я делаю только свое дело. Если сейчас позволить демонам ходить по Свету, то они обязательно начнут мстить. Заденет всех, кто не имеет никакого отношения к так называемой несправедливости. Причастные уже давно отошли к богам.

– Конечно, мы будем мстить! – я выкрикнула уже ненужное. – И не успокоимся, пока не вырежем всех светлых магов!

– Тогда произойдет вторая самая огромная в истории несправедливость. Видишь между ними разницу? После произошедшего мир между нашими видами невозможен, я стараюсь сохранить как можно больше жизней, исходя из текущих условий.

Со своей стороны он мог быть и прав, но я рассуждала со своей: если выжить суждено одним, то пусть это будут те, кто когда-то невинно пострадал. Поэтому разница все-таки есть. Но этот спор я точно зря затеяла, мы не найдем компромисс, пока Арай сам не осознает себя представителем «другого вида». Хотя даже после он скорее всего будет опираться на подсчет жизней, а не на справедливость. Благородство сильно его испортило.

Я откинула руку и призвала кинжал. Попыталась полоснуть по его щеке, но не попала – Арай мгновенно перехватил мое оружие свободной рукой, вырвал и отбросил, клинок тотчас растворился в воздухе, не достигнув пола. После чего я полетела спиной в острый уступ стены, боль от удара о камень едва не лишила меня сознания. К сожалению, полученная жизнь имела и один недостаток: раны теперь исцелялись быстрее, как у всех высших заклинателей, меня можно пытаться и избивать целую вечность почти без риска переборщить. Именно это намерение я и рассмотрела в стальных глазах напротив – раздражение и решимость впервые виделись в них отчетливо. Насколько знаю, начертанный не может осознанно причинять боль любимой, ведь иначе будто сам себя резать будет. Но наши колдуны не учли одну малюсенькую погрешность: бывают такие люди, кто и сам себя без труда разрежет, лишь бы достичь цели. Дождалась, Ви, можешь радоваться – вот он тот самый период, когда Арай что-то чувствует. И не плачь, что чувствует он отнюдь не то, что тебе нужно.

Но на полушаге кейсар замер, словно к чему-то прислушиваясь. Я, с трудом поднимаясь, ядовито произнесла:

– Что такое, Виаларушка, тараканы в твоей голове объявили друг другу войну?

– Нет, – он снова был спокоен. – Ментальное сообщение. Мейз жив, но медлить больше нельзя.

– Мысленно разговариваешь? – удивилась я. – Надеюсь, сам с собой?

Он подошел, схватил меня за шкирку и поволок за собой, терпеливо объясняя:

– Высшие кейсары могут иногда давать сигналы. Рад, что хоть кто-то из них понял, что я совершил и зачем.

– Отпусти, сама пойду!

Арай действительно сразу разжал хватку, поскольку оба мы знали – пойду как миленькая, потому что побег возможен будет лишь в том случае, если он окажется без сознания. И то ненадолго – после найдёт и будет ещё более злым.

До замка Мейз мы добирались недолго. Спустились с горы к поселку, где Арай купил одежду и пару лошадей, сразу опросил местных о новостях. Ещё дважды в дороге останавливался и задавал вопросы путникам, я не прислушивалась – меня больше беспокоило собственное положение, чем дела в империи. Зато перед его светлостью бывший генерал предстал с уже некоторым представлением. Мы видели, что в предместьях замка установили баррикады, а несколько деревень пустовало – и это навевало неприятный холод осознания, что вчерашний рай превратился в военный бастион. Сэрса никто не останавливал – да и могли ли они?

И снова нас встретило все семейство, вот только о прежней доброжелательности оставалось только мечтать.

– Миран, Айла, зайдите в дом, – приказал герцог детям. – Нарра, Лиена, вы тоже.

Но леди Нарра сухо возразила:

– Нет, дорогой, если сегодня настал твой последний час, то я умру рядом.

Бледная, как снега на северных вершинах, младшая жена сжала губы и решительно кивнула, соглашаясь со старшей. Они не предадут мужа и не оставят его перед смертельной угрозой, которой посчитали Арая. Времени действительно прошло очень много, раз они мысленно даже до таких выводов дошли. Лично мне было очевидно, что он и пальцем не собирался их трогать – наоборот, насильно воцарять. Я громко хмыкнула, представив это действие, но на меня никто не смотрел – в сравнении со своим спутником, я считалась милым и безобидным котенком.

– Рад, что не опоздал, – сказал Арай, словно вообще не обратил внимания на общий страх. – Из герцогства Наррега к столице идет армия. На западе несколько семей объединились – они выбрали или скоро выберут своего ставленника, за которого будут сражаться. Гражданской войне противостоят служители орденов, но и они не за вас воюют, считая братоубийцей. На Мейз пока не напали только из-за общей уверенности, что я здесь и буду вас защищать.

Герцог сжимал кулаки до белых костяшек. До сих пор он сдерживался, но теперь ярость прорвалась гневным криком:

– Пришел сообщить мне очевидные вещи?! Это ты, ты убил моего брата! Змея, что я на своей груди пригрел! Никто другой не был в силах убить одиннадцать кейсаров за несколько минут. Все другие высшие заклинатели – уже тысячелетние старики, они не покидают свои ордены, поэтому ни у кого в империи нет сомнений в твоей вине! Но заодно они думают, что это я тебе приказал.

Арай отреагировал почти спокойно, лишь короткая пауза в речи выдала его напряжение:

– Не кричите, я сейчас... немного не в себе. Вы правы – я виновен. Можете казнить меня за это преступление после того, как окажетесь в безопасности. Сейчас со всех сторон идут к престолу армии, раз вам он не нужен. У Наррега большие шансы – он не только следующий после вас наследник, но считается сильной личностью, способной быстро навести порядок. Возможно, я бы смирился с наименьшим злом, не будь риска, что его одолеет какой-нибудь светлый орден. Что станет с простыми людьми, если власть захватят фанатики?

Я присвистнула, представив. А уж выпускнику Сэрса лучше всех известно, сколько безумцев осело в светлых орденах. Мейз нервно затряс пальцем в воздухе:

– Ты и есть фанатик, проклятый генерал! Ты уверовал в меня так же, как они верят в свои устаревшие принципы! Я никогда не мечтал о короне, неужели ты этого не понял, сумасшедший кейсар?!

И ведь тоже не поспоришь. Какой интересный разговор – я с удовольствием ждала, чем закончится их перепалка. Кстати говоря, пока тут формируются целые армии, чтобы истреб-

лять друг друга, для демонов предоставляется наилучшая возможность – как бы ее не пропустить-то?

Но Арай все упреки пропускал мимо, будто те были легким ветерком:

– Именно поэтому вы заслуживаете короны больше остальных. Вам быть Властителем Света, Нареге очень далеко до этого звания. Прошу простить мою ошибку, ваше величество, но сейчас придется забирать трон силой. Вашего брата уже не вернуть, я понесу за это наказание, но корона ваша – возьмите ее с моей помощью, пока ее не взяли недостойные.

– Считаешь себя неуязвимым?! – еще сильнее взвился его светлость. – Но и тебя кто-нибудь остановит, и на твою силу найдется противовес! Стража, прогоните предателя, чего вы замерли, олухи?

Солдат вокруг скопилось действительно много. Вся замковая охрана выстроилась в три шеренги и вытянулась по струнке. Я им невольно посочувствовала: как такой приказ исполнить с их самыми обычными мечами? Но они клялись служить, даже рискуя жизнями, поэтому обязаны исполнять. Вперед выступил тот самый пожилой мужчина, которого Арай когда-то назначил на свое место, строевым шагом, вытягивая носки, подошел к нам, отдал честь и отпартовал:

– Мой генерал, за ваше отсутствие происшествий не было. Но мы приготовились к атаке и перевезли мирных дальше на север, старых и больных разместили в замке. Какие будут приказы?

Арай на него даже не посмотрел, отвечая:

– Вольно, Харид. К утру приготовь все списки, я еще раз проверю контингент и оружие. Охрану замка и членов семьи увеличь вдвое. Умный враг захочет избавиться от его величества и его сына в первую очередь.

– Так точно!

Что мне оставалось делать, кроме как хохотать в полный голос и вытирать накопившие слезы? Служить-то солдаты поклялись, но совсем не Мейзу! То есть Арай на всякий случай предусмотрел вариант их разногласий. И теперь у него, а не у герцога, есть сильнейшая в империи армия, которая пойдет туда, куда прикажет он, а не этот посеревший бедолага, сейчас бесильно осевший на землю.

– Поэтому ты отбирал каждого из них лично... – простонал герцог. – Ты для них бог, а я так, лицо с титулом...

– Нет, это ваши люди, – возразил ему Сэрс. – Просто пока я остаюсь их главнокомандующим. Из-за моей оплошности и вмешательства Ви иначе не получится, ваше величество.

– Не называй меня так!

– Привыкайте. – Арай уже повернулся к снова вытянувшимся солдатам. – Скоро так вас будут называть все, а Мирана – его высочеством. Хоть в этой смене поколений Свет останется при Свете. Сарикс, Ордан, запирайте Виалару в подвале. Я поставлю магические стены, не выберется. Но никого к ней не пускать – глазом не успеете моргнуть, как все снова начнут ей потакать и помогать. Как вообще в прошлый раз из моей тюрьмы она выскочила сразу за императора?

Ишь, как мой прелестный суженый хорошо меня изучил. И красноречием заблистал – мне все больше нравился этот его период, когда он не мог до конца унять эмоции.

Моя судьба пока не особенно волновала титулованное семейство – или им было не до того. Но когда меня уводили, я успела увидеть, как леди Нарра помогла мужу подняться на ноги и проговорила:

– Он не так уж и неправ, дорогой. Сам знаешь, как знают и боги, что ты невиновен в смерти брата, поэтому остаешься главным престолонаследником. Будь у его величества сын, ты защищал бы его право, но сейчас уже нет выбора. Арая приговоришь к смерти первым же приказом – и ты лучше всех видишь, что он не станет сопротивляться...

Ну вот и завертелась воронка. В империи со дня на день появится новая сила, поскольку Мейз обязательно смирится с неизбежностью. Несмотря на провал стратегии, Арай в любом случае начертил ему только одну дорогу. Неплохой выбор, признаю от всего сердца. Жаль только, что я потратила столько сил на уничтожение Властителя Света, но могу не успеть, пока на смену старому придет новый.

Глава 4. Страх

Подвал Мейзов сильно отличался от темницы барона Вергаса, однако от этого не переставал быть темницей – похоже, время церемоний закончилось, придется мне отныне довольствоваться жесткой лежанкой и хотя бы обустроенным отхожим местом. Голодом морить вряд ли станут – умру я не от этого, а скорее от скуки. Заговорить зубы охране я даже не пыталась, хоть каждый из этих ребят прекрасно меня знал и хорошо относился. Просто пока их генерал в замке, они побоятся даже улыбнуться пленнице. Послабление будет непременно, из Мейзов плохие тюремщики, но того еще придется дожидаться. Защиту Арай поставил такую же непробиваемую изнутри, как в прошлый раз. Не выпендривалась бы – глядишь, могла бы в уютной спальне свой пожизненный срок отмотать. Хотя все равно не слаще: взаперти большое дело не закончишь.

С Араем я пыталась поговорить, когда он пришел ставить магические стены – добилась только долгого задумчивого взгляда, после чего кейсар молча вышел.

Дня через три меня навестили леди Лиена и Айла. Они разговаривали со мной через решетку, а девочка была заметно взбудоражена. Она втиснула лицо между прутьев и запричитала:

– Ви, ты как? Как ты вообще выжила?! Дворцовый заклинатель сказал, что на месте преступления была целая лужа твоей крови! И хоть тело не нашли, мы все были уверены, что ты мертва! Я ревела целую неделю – больше, простите боги, чем по дорожному дяде. А ты оказалась целехонька! Но что же ты натворила, что Арай тебя запер?

Я прижала руку к груди и, направив на обеих слезящиеся от патетики глаза, гордо произнесла:

– Ничего не натворила! Невинно осуждена этим спятившим фанатиком.

И сказанное было чистой истинной – я ведь не успела ничего натворить, он все сам сделал. Но леди Лиена смотрела хмуро, а говорила будто с осторожностью:

– Арай сказал, что ты пыталась убить его величество. В смысле... до него.

Вот тут уже без лжи не обойдусь.

– Убить?! – воскликнула я рассерженно. – В первую же ночь после того, как осуществила мечту всех женщин и девиц в империи?

Айла тут же развернула мысль:

– А может, он решил от тебя избавиться, потому что ты единственная выжившая свидетельница его страшного преступления?!

– Точно! – обрадовалась я. – Как же ты сразу в тютельку-то попала! Наверное, еще собирается запудрить кому-то мозги, а я помешаю!

Младшая жена Мейза задумчиво кивнула, признавая разумность аргумента, однако на этом ее обвинения не иссякли:

– А еще он сказал, что ты... – она словно споткнулась о собственные мысли, но затем вынудила себя продолжить: – Что ты чистокровная.

– Сам он чистокровный! – Я обиженно насупилась, сложила руки на груди и отвернулась к кирпичной стене.

Видимо, поддержку этой добродушной женщины я навечно потеряла. Поэтому они и не заходили внутрь – боялись малейшей вероятности, что Сэрс сказал правду. И Лиена тотчас подтвердила догадку, продолжив настаивать:

– Ви, посмотри на меня, и скажи – это правда или нет? Поначалу я тоже сочла абсурдом, но беспокойство не унималось. Ведь ты и от полукровок сильно отличаешься. Их действительно немало, но его величество сразу пал жертвой только твоего очарования... В тебе чувствуется нечто темное и неизведанное, чего в нашем мире тысячи лет не встречалось. Каж-

дая светлая душа содержит в себе порочное зерно, доставшееся от далеких предков, и оно невольно отзывается на твое присутствие.

Все, теперь друзьями нам с ней не остаться. И сама больше не придет, и Айле не позволит. У них всех здесь в подкорку вшиты стереотипы о демонах – кстати говоря, большинство теперь правдивые. Я разозлилась – рванула в их сторону, вцепилась пальцами в прутья и закричала:

– Разуй уже глаза, миледи! Вы все тут ослепли?! А Сэрс, по-вашему, похож на полукровку? Чего вы все ко мне прицепились, когда у вас под носом такой экземпляр?

На этих словах солдат, что слышал весь разговор, сильно вздрогнул, а Лиена в страхе отпрянула. Но, подумав немного, с трудом выдавила:

– Я не знаю, Ви, я ничегошеньки не знаю... Но даже сейчас, когда он стал убийцей императора, я вижу, что Арай служит Свету. Ни единого сомнения, хоть нам не нравятся его методы. А чему служишь ты?

Они ушли через несколько минут затянувшейся тишины. Мне больше нечего было им говорить – а им нечего сказать мне. Не думала, что даже здесь обзаведусь врагами – это неоспоримо врожденный талант. Даже если каким-то образом докажу им происхождение Арая, это мало что изменит: и в отношении него, и в отношении меня. И они сами не представляют, насколько правы. Кровь дает многое, но воспитание тоже со счетов не спишешь: Сэрс сделает свое дело и смиренно отправится на плаху, от меня же они смирения никогда не дождутся!

Наконец, пришел и он. По традиции, бесшумно и в самой глубине ночи. Безбоязненно прошел за решетку, сел на подстилку мне в ноги – и только прикосновением ткани к ступне разбудил. Возможно, он сидел там очень долго до того, как я открыла глаза. В полумраке я видела его профиль – Арай выглядел уставшим, хотя раньше никогда изможденности другим не показывал. Стражи не было видно – скорее всего, отправил отдохнуть, он в любом случае для любого преступника наилучший охранник.

– Ну привет, дорогуша, – прошептала я едва слышно, поскольку не хотела разбить хрустальное напряжение, повисшее в воздухе.

Выпускники Сэрса не здороваются – они сразу переходят к делу:

– На рассвете я с армией отбываю на юг. В данный момент мы потенциально сильнее прочих, но нельзя допустить, чтобы враги его величества объединились.

Я хмыкнула:

– Ты идешь убивать Нарегу или договариваться с ним?

– Как получится. – Арай недолго помолчал. – Ви, я отдал распоряжение перерезать тебе глотку, если я погибну. Разумная мера предосторожности, не больше.

– Это самый романтичный подарок от демонического жениха! – оценила я со смехом. – Еще какие-нибудь интересные новости завалились?

Мой сарказм никогда не достигал его ушей, не исключением стала и эта ночь.

– Ви, мое предложение остается в силе. Расскажи – и я гарантирую, что до конца своих дней ты ни в чем не будешь нуждаться. Тогда и приказ отменю.

– Ни в чем, кроме свободы? – поинтересовалась я.

Он медленно кивнул.

– Кроме. Подумай, стоит ли тебе дожидаться моего возвращения именно здесь.

Подумала, раз уж приказано. И с усмешкой заявила:

– Мое предложение тоже в силе: раздевайся – поговорим. Так обычно и общаются нормальные чистокровные демоны, если любят друг друга.

На мой юмор Арай отреагировал странными вопросами:

– Ви, разве ты меня любишь? Это не просто симпатия?

Я привыкла цепляться разумом за утверждение, что он мой начертанный, и потому сама подобными вопросами прямо не задавалась. И сейчас, похоже, он спрашивал совершенно серьезно – хотел зачем-то знать.

Постаралась рассуждать искренне, чтобы и самой разобраться:

– Не будь ты таким занудой, точно сходила бы по тебе с ума. Мне, живой и эмоциональной, очень сложно гореть страстью к полумертвой деревяшке. И тем не менее мои чувства к тебе сильны, после знакомства с тобой будто задышалось легче, все вокруг стало ярче. Возможно, это потому, что я рождена любить только тебя. И, даже не догадываясь об этом, сразу захотела идти за тобой. Чем не доказательство?

После размышлений он тихо выдал:

– То есть демоны действительно заключают кровавые помолвки?

Я подумала, что о таких вещах могу говорить открыто, ведь никаких подробностей не раскрываю:

– Не то чтобы постоянно. Кажется, за много поколений мы с тобой единственные. Учитель с помощниками нашел этот ритуал где-то в очень древних книгах. Наверняка раньше подобное проворачивали часто.

– Тогда это не любовь, – Арай сделал странный вывод. – Просто ритуал какого-то контроля над твоим разумом. Мне всегда казалось, что любовь – это другое. Полная свобода выбора, а не принуждение и связь с единственным избранником. Жаль, что это сотворили именно с тобой.

– То есть на себя ты то же самое до сих пор не примеряешь, – разочарованно протянула я. – Зачем тогда спрашиваешь?

– Пытаюсь понять, что чувствую я, – удивил кейсар. – И раньше чувствовал, но сейчас это не дает покоя. Мне нужно долгое уединение, чтобы прийти в себя, но если отлучусь – Мейза размажут ровным слоем по всему герцогству.

Это я уже слышала, любопытство вызвала новая оговорка:

– И что же ты чувствуешь, Арай?

На этот раз я не сбивала его с мысли – пусть размышляет столько, сколько нужно. И когда я уж было решила, что он уснул, прислонившись спиной к стене, заклинатель заговорил:

– У меня нет слабых мест, Ви. Меня вырастили идеальным сосудом для служения Свету, у которого нет изъянов.

– Но так не бывает, – скривилась я. – У любой силы должна быть слабая сторона, для гармонии.

– Да, – согласился он. – Скорее всего именно поэтому я встретил тебя. Природа создала противовес. И если тебе вбили в голову, что ты что-то там кому-то должна, то мне подобного не внушали. Тем не менее я это ощущаю. Ради тебя я менял свои планы, а таким никто в мире похвастаться не может. Знаю точно, что если оставлю тебя при себе, то последний круг кейсара не получу никогда, не потерять бы четыре предыдущих. Раньше мне удавалось сгладить это чувство почти до абсолютного равнодушия, но в последние несколько ночей оно не дает мне уснуть. Если ты умрешь, со мной ничего не случится. Но если ты останешься рядом, со мной случится много плохого.

Меня от подобного откровения накрыло невозможным восторгом:

– Арай, ты только что назвал меня своей слабостью?

Он поправил:

– Проклятием. Тебе внушили, что ты должна испытывать чувства к начертанному. А меня тобою прокляли. Чертов Кадим, да когда я уже перестану так остро на все реагировать? – неожиданно воскликнул он и схватился за виски. – Не голова, а какой-то медный таз, по которому колотят палками.

Но сказанное он уже назад в горло запихнуть не сможет. И для меня это было колоссально много. После всех его угроз, после болезненных ударов, сердце застучало громче, когда я узнала, что и внутри Арая не все так гладко, как мне всегда казалось. Сейчас, после целой

прожитой жизни в теле смертного, он уязвим, но и после уже не сможет обмануть меня в главном.

Я протянула руку к нему, но он перехватил мое запястье молниеносным движением и сухо уточнил:

– Что ты делаешь?

– Хочу прикоснуться к тебе, Арай, – без обиняков призналась я.

– Не трогай меня, я предупреждал.

Я устало улыбнулась.

– Ломай мне руки, убивай, притворяйся, что тебе все равно, но от этого суть не изменится – я хочу к тебе прикоснуться.

Его пальцы неожиданно дрогнули, и тогда, высвободившись, я занырнула рукой под ткань рясы, чтобы ощутить самую настоящую дрожь собственной ладонью. Она вдохновила меня продолжать. Осторожно, точно боялась спугнуть дикого зверя, переместилась на его бедра и наклонилась, чтобы прикоснуться к тому же месту губами. Арай меня не останавливал – и я уже знала, что сейчас он физически этого не может, но подло пользовалась его уязвимостью. Рано или поздно кейсар проведет свои успокоительные ритуалы и станет прежним, тогда о подобной близости мне даже мечтать будет не позволено.

Я распахнула его рясу, рванула нижнюю рубашку за ворот вниз, чтобы осыпать его грудь поцелуями. Но не дождалась даже стога – просто слышала равномерное дыхание, спокойствие которого нарушалось пульсирующей на его шее венкой. Прижалась губами к тому месту и замерла от невозможного счастья. Клятый крин, как же сильно я его хотела. Моя страстная натура все время пребывала в полудреме, а теперь очнулась, рванула взрывом во все стороны, натянула каждый нерв в теле. Я многократно решалась, но так и не подпустила к себе ни одного мужчину – и только потому, что не чувствовала такой незыблемой уверенности в том, что больше не хочу останавливаться и останавливать. А Араю позволю все – лишь бы он сам себе это позволил.

Он перехватил меня за затылок, сжал в кулак волосы и вынудил поднять лицо. Поцеловал не так, как раньше, а напористо и жадно. Я сходила с ума за нас обоих и не стеснялась своих голодных стонов. Арай позволил мне стянуть с его плеч рясу, не помешал освободить его от рубашки. То, что отменный воин должен быть хорошо сложен, я знала и раньше, но сейчас мои обезумевшие руки немели, когда бежали по предплечьям и каменной груди. Мой самый прекрасный, самый идеальный белый демон севера вызывал полное потрясение. Наш поцелуй почти не разрывался, хотя губы уже горели, как если бы мы отравляли друг друга неисцелимым ядом.

Но когда я потянулась к его штанам, Арай снова схватил меня за руку, переплел наши пальцы и отвел в сторону. Я с удивлением посмотрела в его глаза, но услышала только почти равнодушное:

– Нет.

И снова потянулся к моим губам. Мы упали на подстилку, объятия становились все более жаркими и тесными, ласки – более откровенными, но когда я в мучительных стогах просила его продолжить, Арай отвечал неизменное:

– Нет.

И в какой-то момент это привело меня в ярость, какая наступает лишь тогда, когда ты уже распробовал чудо на вкус, но оно ускользнуло сквозь пальцы:

– Арай, почему нет? Ведь ты хочешь того же!

– Слишком. Поэтому нет.

Проведя языком по его шее, я все равно продолжала злиться:

– Ты сейчас можешь думать о своих обетах? Не поздно ли?

– Я нарушил все обеты, Ви, – ответил он мне. И показалось, что это прозвучало обреченно.

И мне расхотелось настаивать – наша страсть стоит того, чтобы ее ждать хоть столетиями. Арай лег на спину, а я уместила голову на его плече, чтобы беспрепятственно водить пальцами по его обнаженному животу. Знала, что он впервые чувствует такое удовольствие – и не может отказаться хотя бы от него.

Успокоившись, я все-таки прошептала:

– Раз обеты уже нарушены, что тебя останавливает?

После долгой тишины я получила ответ:

– Страх.

Приподнялась, чтобы посмотреть в серьезные глаза, сейчас будто не серые – от темноты они казались темно-синими.

– Страх? Чего может бояться бесстрашный кейсар четвертого круга?

Он все-таки ответил, но будто нехотя:

– Боюсь, что после уже никогда не смогу собрать себя из кусков в целое. Боюсь узнать, что это настоящая любовь. Боюсь, что твой Мрак победит мой Свет. У меня есть дело, Ви, которое важнее меня или тебя – и я не имею права ставить его под сомнение, иначе вся моя жизнь была напрасной.

Со мной ведь было в точности так же – у меня была миссия, которая важнее всех чувств, но сейчас я позвала жалко:

– Арай...

Он перебил:

– Рассвет. Мне пора.

Встал, медленно оделся, подошел к решетке и лишь после обернулся ко мне, чтобы напомнить:

– Тебя убьют, если я погибну. Хочешь избежать смерти и улучшить условия заточения – ответь на мои вопросы Мейзу.

Я всплеснула руками, вновь закипая яростью:

– Да что мне рассказывать?! Твою имбигу, я была одна! А тот человек, который помог мне выбраться из Мрака, уже мертв – убит клятыми черными демонами!

– Врешь, – его голос вновь сделался раздражающе монотонным. – Почти тридцать лет назад гвардейцы императора поймали чистокровного. Как вы проникаете на Свет?

– У него и спроси, паршивый идиот! – огрызнулась я. – Самому-то срок не кажется подозрительным, а? Ведь тебя как раз из Мрака примерно тогда и вытащили! Не пешочком же дошел, северный младенец! Когда же ты очнешься от всего, чему тебя учили?! Ты – законный князь белых демонов, я – княжна красных демонов. Нам с тобой вершить судьбы двух миров, а не спорами заниматься!

Он покачал головой и ушел. Стража вернулась через несколько минут, хотя я и без охраны не могла преодолеть магический барьер. Почти сразу Арай отбыл во главе армии – я это знала точно, поскольку накинула на него паутинку темной магии, которая, однако, разорвалась меньше чем через час. Я одновременно ненавидела и любила этого дерьмового кейсара – и, возможно, за одно и то же качество: за незыблемую целостность. Служитель Света не свернет с дороги. Служительнице Мрака нужно брать с него пример. Настало время хорошенько обдумать свою цель и наконец-то к ней приступить. И пусть клятый Арай Сэрс потом кусает локти. Хорошо, что сегодня ночью мы не зашли дальше – нам все равно быть по разные стороны, а мне собрать себя по кускам будет ничуть не легче, чем ему.

Возможно, наши души вечно будут тянуться друг к другу, а наши тела будут друг по другу тосковать, но ни один из нас не был бы собой, если бы перемешал личное счастье со своим понятием справедливости.

Глава 5. Неспособный на зло

Я все же стала главной персоной – хотя бы в границах герцогства Мейз. Не потому ли все перед отъездом считали себя обязанными попрощаться именно со мной? Его светлость, насколько поняла, неделю находился в замке, но что-то случилось – там, на юге – после чего ему пришлось присоединиться к армии, которую он больше не считал собственной. Я слышала об этом в разговорах солдат, которые таким образом коротали время, вынужденные постоянно находиться неподалеку.

Винсент Мейз поставил стул перед решеткой и грузно на него опустился, как будто поставил за столь короткий срок. Смотрел куда-то в сторону, словно избегал моего взгляда. Я даже подсакивать на ноги не посчитала нужным – так и сидела на опостылевшей лежанке, скрестив ноги.

– Знаешь, Ви, – он заговорил задумчиво, как если бы рассуждал сам с собой, – наверное, я все еще втайне надеюсь, что это ошибка. Придумал даже, что Арай взял на себя твою вину. Кажется, если и есть в мире кто-то, ради кого он назвался бы преступником, то ты единственная в коротком списке.

Приятно было слышать, что кто-то еще заметил привязанность кейсара ко мне. Но пришлось уверенно опровергнуть:

– Нет, это сделал он. Вы и сами знаете – я умею драться, вот с гвардейцами в одиночку не справилась бы. Милорд, не пора ли уже прекратить страдать? Вы, может, и тюфяк, но тюфяк справедливый и равнодушный. Ваш народ истосковался по такому правителю. Вы ведь добряк каких поискать – так проявите уже сострадание к голодным и покинутым.

– Я уже принял этот факт, – признался он. – Поэтому и выезжаю сегодня. Арай считает, что только я лично смогу прийти к соглашению с Нарегой. Кузен хочет власти, но и меня уважает. И, кажется, во всей империи он единственный, кто не осудил меня за братоубийство – сам бы подобное совершил, если бы мог.

– Ну и отлично. Арай своего добился, может выдохнуть. Ко мне-то с какой целью пришли?

– Спросить... – он ненадолго затих, но потом смог облечь мысль в слова: – Спросить твоего мнения. Ви, что он такое? Ты действительно считаешь, что Арай Сэрс – чистокровный демон?

Я пожала плечами:

– А какая разница лично для вас? Независимо от происхождения, он самый верный, непоколебимый и целостный служитель Света.

«К сожалению», – добавила я мысленно и продолжила:

– Стратег, а не фанатик, как мои старые знакомцы из Моро. Клятый крин, пока вы скулите, Арай сделал для вашей империи больше, чем Саймон за все правление!

– Но ты считаешь его демоном? – настойчиво переспросил он.

– Подозреваю, – я ответила размыто, чтобы этому запутавшемуся в политике бедняге еще забот не добавлять. – Но вам он будет предан до самого конца. И потомства не оставит – нечем ему оставлять славных маленьких седых демонов. Как пришел в этот мир один, так один и уйдет. Так есть ли разница, как его называть?

– Но ты точно чистокровная, – герцог не спросил, а утвердил.

– Со слов того, кто сам непонятно что из себя представляет! – не растерялась я. – Теперь и вы допрашивать собрались? Ну какой из меня демон? Вы, как и прочие, тоже за обычную красоту клеймить готовы?

Мейз устало покачал головой и произнес бесцветным голосом:

– Не знаю, кто из вас лжет, но вы оба безгрешны. И не представляю, что с вами обоими делать. Если ты действительно выбралась из Мрака – правильно будет тебя немедленно убить. Если нет – отпустить. В графстве Соллар нет ни единого упоминания о твоём рождении. Склоняюсь к тому, что это правда, но полных доказательств у меня нет. Приказ о пытках я отдать физически не могу – из моих людей только у Арая рука бы не дрогнула. Ведь ты просто девочка, чуть старше моей Айлы. Пусть наглая, тщеславная, настырная, но обычная девочка. Я даже не смог приказать, чтобы тебя тихо убили, когда ты стала невестой императора, а уж упиваться твоими страданиями теперь, когда ты совсем беззащитна, я вовсе не готов...

Я от всей души посоветовала:

– Так не упивайтесь – отпустите!

Разумеется, мое предложение не нашло отклика:

– Прикажу, чтобы тебе принесли сюда мебель и книги, разрешу желающим тебя навещать, уберу охрану – этот барьер все равно непроницаем. Тяжело на сердце от мысли, что тебе придется так жить до конца дней, но утешусь тем, что сам хотя бы не добавил тебе страданий. Я уже написал несколько писем в различные ордены – попросил старых наставников явиться лично и проверить тебя. Поговаривают, еще остались несколько из тех, кто лично когда-то изгонял демонов во Мрак – они бы точно не ошиблись. Но никто не спешит отвечать на письма преступника, бунтаря и братоубийцы... – Мейз снова поник. – Подожду. Подожди и ты.

Вот мне и ожидаемые послабления. За первым последуют и другие – неизбежно. Просто большое место надо сразу беспощадно отсекаать, но если начинаешь тянуть – пиши пропало, дальше сил уже не достанет. Я провожала герцога задумчивой улыбкой, соображая, на что именно из обещанного смогу рассчитывать. Уберет он охрану, как же. Из подвала солдафонов выпроводит, но они продолжат нести караулы снаружи, потому что их обожаемый генерал отдал четкий приказ – они искренне почитают Мейза, считают его новым императором, но настоящий повелитель у них только один. Не удивлюсь, что командиры приносили тому магическую клятву верности, какую раньше требовали от гвардейцев – даже если захотят передумать, не сумеют. И как никто из нас не разглядел в Арае Сэрсе такую долгосрочную стратегическую хитрость?

Сам он еще долго не вернется. Даже если договорятся с Нарегой, улажена будет только одна проблема, а их теперь скопилось и вооружилось несколько. Означает это лишь одно: я не имею права упустить свой шанс.

Первой из обещанных визитеров заглянула повариха. Вздыхала и вспоминала, как я при самом Саймоне Сто Девятом ее стряпню расхваливала: подавальщица Морушка тогда все слышала и на кухне рассказала, пожилая кухарка отчего-то прослезилась, как если бы почувствовала себя самым важным в мире человеком. Слишком близко к сердцу приняла, хотя ничего особенного я не совершила: мне хоть прачка, хоть Властитель Света – все едино. Очевидно, прислуге настоящую причину моего заточения сообщать не стали, чтобы не плодить преждевременные слухи, вот они и придумали себе разные объяснения, сойдясь лишь в одном мнении: даже после начала ухаживаний самого его величества я продолжала вести себя с ними как своя. Оттого-то за старой поварихой потянулись остальные: поддержать, развеселить разговорами, спросить, каково это – целый день побыть одиннадцатой императрицей. Слуги помочь мне не могли, но настроение подняли знатно. И являлись важным звеном цепочки: юная служанка, причесывая утром Айлу, не могла не рассказать, как же мне здесь одиноко. День, два, три – и в итоге добродушная девочка не выдержала и снова начала мне таскать из библиотеки книги, какие попрошу. Передавала через решетку и долго не уходила, пытаясь хоть пересказами событий меня развлечь. Хотя знала она немного: семья получала письма от отца, из которых пока ясно было только то, что он и Арай Сэрс до сих пор живы и до сих пор воюют за единственную корону, которая вдруг понадобилась уйме народа.

Вот эта особа уже могла приблизить меня к выходу на свободу. Я помнила прошлый промах, когда уговорила ее украсть заклинание из кабинета отца, поэтому теперь не спешила. Обмолвилась только:

– Какую страшную ошибку я совершила, Айла. Решила выйти за императора, хотя твой благородный брат предлагал то же. Получше бы тогда подумала, сейчас не оказалась бы в беде. Называлась бы твоей сестрой. Из меня вышла бы самая кошмарная герцогиня, но зато ни одного из вас я в обиду бы не дала.

– Знаю, – вздохнула она. – Но Миран сказал, что ты его никогда не сможешь полюбить.

– Не смогу, – признала я. – Однако искренне уважаю. А выскочила замуж за того, кого не любила и не уважала – прельстилась богатствами и положением, дурная моя голова.

Понимала, что рано или поздно обе герцогини сдадутся и тоже начнут прибегать хоть на пять минут. А мне была нужна не их помощь – они слишком преданны Мейзу, но характером на него очень похож только один человек в замке. И у того человека пока не хватает жизненного опыта, чтобы проявить должную осторожность.

Все свободное время я проводила в медитациях, которым когда-то учил Арай. Мгновенного эффекта не наблюдалось, он проявлялся со временем – и действительно, если хорошенько успокоить ум, то даже знакомые заклинания работают с большей мощностью. Освоила я и несколько новых магических трюков – Айла принесла нужную книгу о безвредном колдовстве. Ничего подходящего для ломания стен и черепов, но для практики сойдет. Тренировалась тогда, когда оставалась в одиночестве, ведь многое получалось только с темным дымом.

И все же я его дождалась. Миран за это время как-то повзрослел, его черты еще сильнее заострились. Но взгляд стал глубже и серьезнее.

– Ваше высочество! – Я поднялась на ноги и встала перед ним. – Знала, что когда-нибудь вы придете.

Запутать его не получится – юноша сообразителен, а теперь еще и поборол свою влюбленность. Но я понимала, что без риска не выберусь, потому настроилась на него заранее. И Миран сразу подтвердил, что легкой добычей быть перестал, если вообще ею когда-то был:

– Не говори так, Ви. Я стану наследником престола только после того, как моего отца коронуют. Все подобные обращения пока неуместны. Называй по имени – в точности как тогда, когда отвергла мои ухаживания.

Я перестала улыбаться и, кивнув, шагнула к решетке, чтобы смотреть в его глаза прямо.

– Чувствую, что тебе я тоже чем-то насолить успела, Миран.

Сын герцога не стал отрицать:

– Лиена и мать считают тебя демоном. И я тоже почти в этом уверен. Арай никогда не врет – он не врал даже тогда, когда говорил отцу, что хочет перейти на службу в императорскую гвардию... Да, он далеко не обо всем говорит, но когда открывает рот – оттуда не течет ложь. Но несмотря на это знание, я точно знаю, что любая придворная барышня в сравнении с тобой мне покажется скучной и плоской. Ты походя сломала мое счастье – и с этим я смирился. Зачем же ты заливала о своих сожалениях сестренке? Решила, что теперь можешь соврать о любви ко мне и с моей помощью бежать от правосудия?

Как же он многословен! Ну хоть в этом остался прежним. Я вспомнила о риске, стяхнула с плеч боязливость и впервые за несколько недель перешла к правде:

– Нет, Миран, я по-прежнему тебя любить не могу. Как бы странно ни звучало, но мы с Араем наконец-то дошли до полной взаимности в желании слиться воедино, чтобы надежнее друг друга придушить. Это чувство так остро, что для других эмоций места не оставляет – особенно у него, кто про эмоции только в книжках читал. Но суть совсем не в этом. Я – чистокровный демон, мне на самом деле помогли выбраться из Мрака, когда мне было четырнадцать. Дома была война – там всегда война. Спасти из всего клана удалось только мне.

Глаза парня расширились, сам он покачнулся. Очевидно, не ожидал таких признаний и оттого сильно разволновался:

– Почему ты рассказала об этом мне?!

Я продолжила спокойно:

– Потому что ты характером полностью пошел в отца. Он никогда не относился к полукровкам как к прокаженным. И ты знаешь сам, что если он станет императором, то прекратит их гнобление. Рано или поздно он так же начнет относиться и к чистокровным – хотя бы к тем, кто ничего ужасного не совершает. Да и вряд ли нас в этом мире найдется много – не то количество, чтобы счесть угрозой порядку. На это уйдут годы или десятилетия, но так будет, потому что он несет Свет, а не горе, унижение и истребление. Я сейчас сочиняю, Миран?

– Не знаю... – собеседник смутился. – Возможно, так и будет. Папа мечтает о том, чтобы всем жилось хорошо, он любую чужую боль воспринимает как собственную. Но к чему ты клонишь? Неужели думаешь, что я тебя освобожу? Но тогда я предам его доверие!

– Да, предашь, – признала я без труда. – А заодно принесешь ему облегчение. Последний разговор с ним показал, что он обрадуется любому варианту, в котором ему самому не придется принимать жестокие решения. И когда-то он сам меня освободит – после завершения переворота, после коронации, после изменения отношений к полукровкам дойдет очередь и до единственной чистокровной, какую он знает. Я бы подождала, конечно, но ведь не выйдет. Если Арай погибнет – меня убьют. Если сюда явятся древние орденские настоятели – меня убьют. Я сижу здесь, ем пирожные, что Айла утром принесла, но фактически я уже мертва. Я призываю тебя к предательству, чтобы спасти собственную шкуру. Но спаси заодно и свои понятия о Свете, будущий император.

Я все сказала верно, но понимала, что сразу мнение не переломлю. Мне еще повезло, что Нарега отличался несговорчивостью – надолго отвлек от меня внимание главного надзирателя. Миран молча ушел – и мне оставалось только надеяться, что он вскоре вернется, поскольку долгое промедление означало бы конец этой тактики, а разработать новую я вряд ли успею.

Миран договаривался с собой целых девять дней – я тщательно считала по светлеющему окошку. И когда созрел, я встретила его с распростертыми объятиями, хотя из-за разделяющей нас решетки получилось не буквально. Юноша огляделся, никто ли не слышит, подошел ближе и заговорил тихо:

– Думаю, что ты права – нельзя приговаривать к казни только за кровь, которая течет в человеке. Судить можно лишь за поступки.

Все-таки я в нем не ошиблась! Будь тысячи лет назад таких разумных людей побольше – Свет не погрузился бы во Мрак, а несчастная овечка Нила вышла бы замуж за своего тощего Рейна.

Я не перебивала – так сильно опасалась пропустить хоть слово из продолжения, в котором наиболее отчаянно боялась услышать какое-нибудь «но»:

– Арай поставил ту же защиту, что в прошлый раз. Я объяснил все сестренке – она поддержала и вспомнила заклинание, которое тогда было написано для отца. Айла – чрезвычайно сообразительна, а ее память...

– Не отвлекайся, Миран! – поторопила я.

– Я хочу отпустить тебя, – признался, наконец, он. – Но только при некоторых условиях. Во-первых, ты вернешься во Мрак, никому не навредив. Ты не виновата, что родилась демоном, но тебе лучше быть там же, тогда никто не...

Я снова перебила:

– Так и собиралась поступить – у меня и в мыслях нет других путей, кроме как на родину!

Душой я не кривила, лишь промолчала о дальнейших планах. Миран удовлетворенно кивнул, поверив моему импульсивному ответу, и поставил еще одно условие:

– Во-вторых, ты должна мне подробно, под запись объяснить, каким способом демон может выбраться на Свет. Заключив эту сделку, я все же совершу доброе дело – и это немного сгладит гнев отца. В конце концов, это знание намного важнее, чем задержать одного чистокровного!

Я расстроено развела руками.

– Не знаю я этот способ, клянусь Араевой печенкой! Я даже не представляю, каким образом мой старый учитель добыл это знание! Какая-то сфера, но я не представляю ее устройство, как и механизм ее запуска. Подозреваю, что конструкция очень сложная или требует особенного колдовства, иначе демоны додумались бы до нее раньше. Клятый крин, Миран, вы все спрашиваете о том, чего я не знаю! Ну неужели я не рассказала бы Араю, чтобы не сидеть в этом тупом подвале?!

– Сфера? – Он свел темные брови к переносице. – Я что-то слышал о разработке колдовских сфер в каком-то ордене...

– Миран! Мою сферу изобрели во Мраке – и только там я могу поинтересоваться подробностями. Неужели ты передумаешь из-за этого?

Он вновь посмотрел на меня осмысленным взглядом и встрепенулся:

– Но на этом месте возникает дилемма, Ви. Я могу снять магический барьер, но снаружи стоит караул. Солдаты будут исполнять приказ Арая даже ценой жизни. Ты не сможешь пройти мимо них, не убив. Но если ты убьешь хоть одного, тогда получится, что я зря тебя выпустил. Помнишь первое условие – никому не навреди?

Точно, вылитый папаша! Готов на злодейство только в том случае, если предотвратит еще большее злодейство, а иначе никак – иначе сиди тут, Ви, пока не поседеешь до цвета своего не самого страстного женишка. Я пообещала как можно искреннее:

– Я постараюсь не убить, Миран. Сколько их там? Раны и синяки не в счет? А если случайно кому-то руку сломаю – простительно? – спросив это, сама одумалась и нервно сплюнула: – Твою имбигу, их же сам Арай тренировал! Я видела, на что они способны – такие простой удар не пропустят...

Я обреченно уставилась на него – и, на удивление, парень решительно выдал:

– Именно так. Сильного противника надо сразу убивать, иначе не получится. Но ты можешь взять меня в заложники. Они исполнят приказ ценой жизни, но только не моей. Ведь я, по их мнению, законный наследник короны.

У меня даже ноги ослабли от волнения. Какой же Миран потрясающий – смелый, честный, справедливый, да еще и недюжинного ума. Из него выйдет прекрасный император. И в какой-то момент мне даже стало перед ним стыдно – за то, что не говорю всей правды. За то, что собираюсь поднять весь Мрак против его Света.

На выходе я прижала призванный кинжал к его горлу, а он правдоподобно закричал:

– Отойдите! Она убьет меня, убьет!

Караульные побоялись даже пальцем шевельнуть. Они огромными от ужаса глазами наблюдали, как уверенно я держу Мирана за шкуру и тащу его к конюшне. Стрелять в спину не осмелятся. Теперь темный дым, струящийся вокруг всего моего тела, ни у кого не оставил сомнений. И сразу все сошлись в мысли, что я от арбалетного болта увернусь, а уж у «истинного зла» рука определенно не дрогнет прикончить молодого господина, стоит только дать повод.

Конюхов пугать не пришлось. У ворот стояла повозка – леди Лиена куда-то собиралась или только что вернулась. Но, увидев происходящее, выскочила наружу, позеленев от страха. Упала на колени в грязь, вздернула руки в молитвенном жесте и принялась захлебываться в скорых рыданиях:

– Ви, не убивай его, молю тебя! Прости наши грехи, иди с миром, только отпусти его!

Ну вот, теперь и в ее глазах я стала «истинным злом», окончательно и бесповоротно. Вскочив на козлы и все еще удерживая несопротивляющегося юношу одной рукой, я крикнула:

– Я вырву ему позвоночник, если увижу погоню!

Ударила вожжами по откормленным бокам двух отменных скакунов. Но когда повозка рванула с места, Миран не выдержал страданий Лиены, обернулся и выкрикнул:

– У меня есть дело! Не переживайте за меня – я вернусь и все объясню!

А вот это уже было лишним, но сострадательное сердце за минуту не перешить. Тем не менее солдаты нас беспрепятственно пропустили – боялись, что мои слова окажутся весомее последнего выкрика моей жертвы.

Мы ехали до наступления темноты. Я остановила лошадей и объяснила:

– Здесь расходимся. Дальше мне придется идти пешком, в герцогстве много патрулей, которых лучше избегать.

Но Миран возразил:

– Почти всех солдат Арай забрал на юг, оставил только необходимую охрану при замке.

Меня эта новость не успокоила:

– Все равно теперь мне лучше не рисковать – буду обходить всех людей большой дугой, чтобы наш с тобой договор не нарушить. А ты поезжай обратно.

– Нет, – он удивил уверенным отказом. – Я поеду с тобой, Ви. Надо убедиться, что ты в самом деле отправишься во Мрак и никому не навредишь. Если я – будущий правитель, то мне следует научиться завершать дела.

Я присвистнула, прикидывая такой расклад.

– Путь неблизкий, – напомнила я неуверенно. – Слушай, если с тобой действительно что-то случится, то обвинят меня. И пусть мне в ту пору будет уже на это плевать, но после твоей помощи это как-то...

– Я с тобой, Ви, – упрямо повторил он.

Кажется, Миран просто засиделся в теплом замке, а юное сердце требовало приключений. Хочет идти – пусть идет. Сбегу от него, если начнет мешать. Не убился бы только, когда будет возвращаться. Вообще-то, за его головой нынче охотится побольше народу, чем за моей, почти никому не известной.

И раз заложник добровольно остался со мной, то от повозки можно было не отказываться – любой патруль пропустит нас точно так же, как первые солдаты. Это мне было на руку. Знала, что Араю отправят весточку немедленно – и тот вполне может отвлечься от своих важнейших дел, чтобы быстренько меня прикончить. Мы скакали сутки почти без остановок, лишь позволяли отдохнуть коням – и сразу продолжали путь. Затем в небольшом городке продали повозку вместе со скакунами за полцены. На эти деньги приобрели теплые плащи с глубокими капюшонами и продолжили путь пешком. У меня только к тому времени перестала кружиться голова от обилия свежего воздуха. Это сколько же времени прошло? Вокруг золотилась осень, уже готовая заморосить холодными дождями, и я начала всерьез переживать, как бы наследник имперской короны не слег с простудой.

Его компания дурно влияла на мой настрой, но я далеко не сразу это заметила. Просто была благодарна Мирану, заботилась о нем, принимала его заботу и невольно включила его в круг близких друзей, которым можно разрешить стоять за спиной. Мы избегали шумных городов и торговых дорог, но пару раз останавливались в ночлежках. И я остро, словно меня по голове ударили, осознала свои изменения, когда увидела, как Миран через служку передавал письмо своим родным – наверное, заверял, что жив-здоров и никакого зла я ему причинять не собиралась, поэтому пусть не беспокоятся. Но осознание прорыва было в том, что я позволила ему это – разрешила его доброму желанию реализоваться, как если бы его спокойствие было не менее ценно, чем мое собственное. И теперь долго придется отгонять от себя мысль, что когда я освобожу демонов, Миран тоже станет их жертвой, как обладатель светлой магии. И то, что орудует он только крохой силы, в расчет не пойдет, ведь когда-то моих слабых предков никто не пощадил.

Видимо, из всех людей мне больше всего будет жаль даже не Арая, потому что тот перед гибелью успеет положить сотни наших, а этого бесконечно светлого мальчика, по природе своей неспособного на зло. Всех Мейзов пожалею, но того, кто ради меня забыл о вбитых в голову правилах, особенно.

Глава 6. Чистая кровь

Арай медленно вдыхал и еще медленнее выдыхал. Воздух стал каким-то густым, с трудом проходил в легкие, и дыхание требовало усилий.

– Спокойнее, мой генерал, не надо! Здесь хороший обзор – враг не должен знать, что у нас что-то случилось!

– Я всегда спокоен, – монотонно ответил кейсар одному из своих командиров.

– Ну конечно, – недовольно ответил Мейз со стороны и кивком указал на поднявшиеся стеной круги магии. – Держи себя в руках. Психовать можно только тем, у кого поменьше сил.

Арай моргнул и стяхнул наваждение, круги рухнули на землю, опали под его ноги и растворились.

– А ведь это ты привел эту дрянь в мой дом, – напомнил герцог, заметив, что заклинатель сумел обуздать эмоции. – Знаю, что тебе не страшны смерть и пытки, поэтому я даже представить не могу, что с тобой делать, если с моим сыном случится беда...

Арай не нашел, что ответить. Ему не было оправданий. Чертовка снова всех провела и сбежала. Но, подумав, он объяснил господину:

– Миран сам освободил ее, ваше величество. В замке только у ваших детей и нескольких солдат была светлая магия, но в последних я уверен. Не знаю, что она ему пообещала. Хотя могу представить.

– Я тоже так подумал, – Мейз расстроено вздохнул. – И от этого не легче. Письмо написано Наррой, но Лиена обильно полила его своими слезами. Одна Айла по непонятной причине спокойна – и это как раз идет в подтверждение твоей догадки. Скажи, что волнение моих жен беспочвенно – хоть раз солги, Арай!

Кейсар промолчал – он не мог этого обещать. Ви вряд ли причинит Мирану вред – вероятно, даже расплатится с ним обещанным, но если кто-то в этом побеге узнает наследника, то ситуация может закончиться трагедией. Мейз же торопил с решением:

– Тогда хотя бы скажи, что делать! Что ты застыл истуканом?

Арай посмотрел на него, перевел взгляд на командиров и ответил единственное, что теперь было возможно:

– Сегодня же решить вопрос с Нарегой.

– Сегодня?! – вскипел Мейз, который до сих пор с трудом сохранял спокойствие. – Мы тут торчим столько времени, но кроме коротких стычек ничего не добились!

– Да, – произнес Арай. – До сих пор я думал, что у нас есть время. Теперь мне придется подтвердить славу бессердечного убийцы, а вы останетесь спасителем.

– Что ты имеешь в виду? – герцог нахмурился. – И как ты потом найдешь Мирана?

Продолжать беседу заклинатель смысла не видел. Зачем объяснять, если можно показать? Ну а наследника найти будет просто, если он останется с Ви – Арай всегда мог ее отыскать. Если же они разлучились... тогда все равно нет нужды это сейчас обсуждать. Мейз вряд ли снова вспыхнет к нему обожанием, если услышит, что может завести еще много сыновей – две жены ему в помощь. Арай снова медленно выдохнул. Все же внушение играет роль: Ви столько раз называла его демоном, что он изредка начал рассуждать как демон.

Не зря бывший император называл армию младшего брата сильнейшей в империи – дело было даже не в количестве людей, а в их подготовке, дисциплине и самоотверженности. Арай с первого взгляда видел отличия: южане разбили лагерь как попало, караулы расставили не лучшим образом, и, поскольку для серьезной битвы Мейз с родственником так и не созрел, – успели расслабиться и позволяли себе выпить. Вином несло за сто шагов от первой охраны. Их даже не насторожила та легкость, с которой отбивались все предыдущие атаки. Идиоты, которые свято верили, что пройдут шеренгами через всю империю, никем не остановленные.

Арай со своими людьми не скрывался. Войны без крови не выигрываются – и сегодняшние жертвы ничто в сравнении с полномасштабным контрнаступлением. Он убивал каждого, кто вставал на его пути. Почти усмехнулся, когда слева полетели светящиеся петли заклинателей – эти олухи целых несколько минут просыпались и соображали, что происходит. Сэрс стоял во главе клина – за ним шли лучшие из его бойцов, и пока их строй разбить никто не смог. От мечников его солдаты отбивались сами, а от стрел защищал щит, что Арай распростер над всей шеренгой. В ночной темноте свет костров подсвечивал огромный магический купол, и это навевало еще большую панику в лагере противника.

Он отдал приказ громко, еще и усилил свой голос заклинанием, чтобы даже мертвый слышал:

– Бунтаря взять живым или мертвым. Командиров бунтаря казнить на месте.

Арай пару раз встречался с этим человеком, когда отвозил на юг важные письма своего господина. Его светлость Нарега отличался чрезвычайной прямолинейностью и буйным нравом. И потому без труда предсказывалось: такой человек не станет прятаться за спинами подчиненных, которых уничтожают одного за другим. Догадка оказалась верна: из дальнего шатра герцог выбежал в одних портках и нижней рубашке, зато с мечом наперевес. С ревом кинулся вперед, не думая о том, что против кейсара четырех кругов бессилён, как песчинка против урагана.

Но Сэрс успел отвести окровавленный меч, резко подался в сторону, нарушая идеальный клин, пинком сбил предводителя армии с ног, развернулся и ударил по спине ногой, втаптывая Нарегу лицом в грязь. Южане замерли, понимая угрозу. Скорее всего, если тому сейчас перерезать глотку, то большинство из них растеряется и разбежится. Хотя может случиться и обратное: потеряв последнюю надежду, они бросят все силы на то, чтобы отомстить за своего господина. А когда человек перестает бояться, он становится в сто раз опаснее. Такие запросто сметут Арая вместе с его небольшим отрядом.

Поэтому он убрал ногу, за шкуру рванул могучего герцога вверх и спокойно предупредил как его, так и всех остальных:

– Переговоры.

Тащил он в свой лагерь Нарегу волоком, подчиненные уверенно прикрывали его спину. Пару хороших ребят все-таки подстрелили из арбалетов, но шквалом не били – боялись попасть в своего герцога. Арай пытался игнорировать истошные крики плененной жертвы:

– Ублюдок! Мерзкий ублюдок! Напал без объявления боя, мерзавец! Думаешь, тебя никто не может остановить?!

Арай промолчал, чтобы не врать. На самом деле он так не думал. Будь охрана грамотней организована, ударили бы заклинатели сразу с разных сторон – от него бы даже пепла не осталось. Южане обладали только рвением и верностью. Хотя уже неплохой ресурс, из которого можно выковать нечто стоящее. Он размеренно говорил, не сбавляя шага:

– Его величество считает вас порядочным человеком. Пока вы воюете друг с другом, в империи собирается сила пострашнее. Мы в любом случае вас победим – вопрос только в количестве трупов. Поэтому если откажетесь от притязаний на престол, станете хорошим союзником.

Нарега все-таки собрался и начал передвигать ноги самостоятельно – настолько ему претило унижительное положение. Однако вопить не прекратил:

– Отдать корону этому мямле? Он целый месяц сопли жевал! Мейз – слабак, потерявший последнее достоинство! Кого он оплакивал столько времени? Придурковатого братца, которого сам же и приказал убить?!

– Мейз – слабак, – бесстрастно признал Арай. – Но у него есть я. И он не отдавал мне приказ убить брата. Почему-то я был уверен, что единственным человеком, кто одобрит, станете вы.

– Да пошел ты, сраный полукровка!

Арай поморщился. Все же пока он носил маску старости, хотя бы таких оскорблений не слышал. Но смирение – лучшая добродетель. Надо просто преспокойно продолжать:

– Итак, вы откажетесь от притязаний или будете казнены за измену до рассвета. Уверен, его величество поверит любому вашему слову. Я – нет. Поэтому закрепим договор клятвой верности, которую проведу лично.

Ярость Нареги была неиссякаема: каждый раз, когда казалось, что он немного остыл, взрывался снова:

– Клятву верности?! В моих жилах течет кровь предков, что основали эту гребаную империю! Никогда еще благородных не принуждали приносить такие клятвы, это подходит лишь для мусора вроде тебя!

– Правила меняются, – безапелляционно констатировал «мусор», который только что почти без труда взял его в плен.

Есть такая стратегия: если один человек представляет собой неуправляемое зло, то добряк на его фоне выглядит еще добрее, чем обычно. Поэтому Нарега с кузеном разговаривал уже совсем в других тонах, чем раньше. И был совсем не туп, раз заметил:

– Боюсь, Винсент, ты единственная сдерживающая сила для этого хладнокровного ублюдка. – Он кивнул на Арая, застывшего у стены с безразличным видом. – Если тебя прикончат, мир будет вынужден бороться с катастрофой не хуже изгнания демонов во Мрак.

Несмотря на удачное начало, достижение мирного соглашения отняло несколько дней. После чего Арай сообщил:

– Теперь в столицу, ваше величество. Проведем коронацию, попытаемся выяснить, кто на вашей стороне.

– Но как же Миран?! – возмутился Мейз.

Арай ничего не смог сказать в ответ, кроме:

– Сначала в столицу. Горожане поддержат того, кто остановит хаос.

На самом деле он тянул время и не представлял, как сообщить правду. Сегодня рано утром он поймал себя на новом ощущении пустоты – и объяснение было простым: он потерял Ви. Или эта связь разорвалась по какой-то причине, или девчонка погибла. Но если Арай не знал, где она, то и Мирана не отыскать. Еще вчера Ви находилась где-то на северо-востоке, примерно в графстве Соллар. Умерла? Или вернулась во Мрак, ведь там неподалеку как раз граница? Без разницы, ведь смысл один и тот же – ее больше нет, потому-то и воздух стал иным, в нем пропал ее неуловимый запах. Арай снова на несколько секунд прикрыл глаза и уже в который раз повторил: хорошо. Больше не будет соблазнов и поводов нарушать обеты. Никакого раздражения, ни капли волнения – бурлящий океан заново обратится в пустыню. А ощущение пустоты работе не мешает.

Уже на пути к столице в лагерь приехала леди Нарра, не забыв прихватить с собой охрану из замка. Сообщила о письме сына. Миран заверял, что пребывает в добром здравии и призывал его не ждать в скором времени, обещал вернуться, узнав важную информацию, которая обязательно поможет в будущем отцу. Родителей письмо хоть и успокоило, но в восторг не привело – теперь уже не оставалось сомнений, что он сопутствует Ви по своей воле. Сопутствовал. Их убили вместе, или они разделились? Арай все еще не знал, стоит ли об этом сообщать. Он отправил пятерых ребят в том направлении, которое чувствовал последним, но задачу перед ними поставил почти невыполнимую: солдаты не смогут спрашивать о его высочестве открыто, поскольку тогда выдадут его имя, им придется осторожничать в поисках следов.

Столица не погрязла в беспорядках только потому, что бывшие советники взяли под контроль городскую стражу – надеялись, что кто бы ни стал в итоге императором, он зачтет им такие заслуги. Совсем остановить вандализм не удалось, но на улицах хотя бы не грабили и не убивали прохожих. Город закрыли от наглецов, которые думали наскоком занять свободный

трон. Тех можно в расчете даже не учитывать: сильные противники знали, что к короне можно двигаться, лишь имея значительный силовой перевес, иначе все враги объединятся и пойдут на столицу – ее не удержать малой силой. Теперь же, когда сюда шли сразу две объединенные армии, можно было рассчитывать на успех.

– Это флаги Мейза! – крикнул стражник возле главных ворот. – Точно! Открывай!

– Приказа не поступало! – возразили ему истошным криком.

– Открывай! Это знамена Мейза!

Их пропустили, но ведь в любом случае не смогли бы остановить. Горожане выскакивали на улицы, а кто-то с балконов выкрикивал:

– Ваше величество! Ваше величество!

– Наконец-то он остановит беспорядки!

– Где его носило столько времени?!

– Ваше величество, возьмите меня замуж!

– А который из них величество?

– Да какая разница?! Я хочу за него замуж!

– Да здравствует Свет! Да здравствует Винсент Шестьдесят Четвертый!

Арай, что ехал рядом с Мейзом, заметил:

– Простой народ на вашей стороне – в империи мало найдется тех, кто не слышал о вашем характере.

– Знаю, – ответил тот со вздохом. – Но если я не хочу их использовать как пушечное мясо, мне нужна поддержка знати и орденю.

– Будет, – заверил генерал.

Но до этого «будет» еще оставался длинный путь. Простые люди могут махать цветами и признаваться в вечной преданности, кое-кто из них даже вооружится кухонными ножами, если придется защищать нового императора. Но история творится сильными – теми, у кого богатство, власть, лучшие военачальники и отряды обученных заклинателей.

Дворец тоже сдали почти без боя. Личная гвардия прошлого императора давно уничтожена: по большей части руками Арая, остальные совершили самоубийство, следуя клятве верности. Когда стало понятно, что здесь Мейз почти в безопасности, Сэрс приказал солдатам разбить лагерь на подходах к городу, а во дворце оставил лишь несколько отрядов.

Мейз даже не отдыхал после долгого путешествия, он сразу пытался уладить как можно больше дел. Арай подсказывал, протягивая бумаги:

– Я составлял список во время службы. Эти придворные, советники и министры скорее всего поддержат вас. Казна разворована – и наверняка это их рук дело, но карательные меры пока будут лишними.

– Какие еще карательные меры? – устало спросил Мейз. – Я удивлен, что они здесь хоть какой-то порядок сохранили. Пусть принесут мне клятвы – и тогда я их помилую.

– Конечно, – ответил Арай и добавил тише: – Тех, кто вернет награбленное. – Поскольку Мейз с этим утверждением спорить не стал, он перешел к другому делу: – Десять жен Саймона тоже пока в королевской башне, предлагаю оказать им поддержку и под охраной сопроводить к их семьям. Недруги вашего брата могут захотеть отыграться на них. Средства сейчас ограничены, но на это придется потратиться.

– Разумеется! Бедные женщины не должны пострадать!

Всякий раз, когда Мейз заявлял подобное, Арай убеждался, насколько верный выбор сделал. Это его задача – проявлять необходимую жестокость и осторожно поправлять:

– Я имел в виду другое – они все из именитых семей, а нам нужна поддержка каждой. Дальше – преступники. Грабителей и убийц я не считаю, но в тюрьмах держат и политических заключенных – они точно поклянутся в верности любому, кто не Саймон Сто Девятый. Особенно если вы восстановите их титулы.

Мейз смотрел на списки, иногда бросая взгляд на своего генерала, а потом вдруг заметил недовольно:

– Не делай вид, Арай, что без тебя я бы не справился. Или ты меня считаешь идиотом, который даже таких простых вещей не предусмотрел?

Сэрс безучастно парировал:

– Будь вы идиотом, я убил бы вас сразу после Саймона и пошел бы воевать за Нарегу.

Герцог Нарегга, что тоже присутствовал в приемной, громко расхохотался:

– У господина и его шавки поразительные отношения! Псина хвостом машет, тьякает, но в случае чего – загрызет. Чего пялитесь? Хотя я теперь твой вечный раб, кузен, – он отвесил шутовской поклон, – все равно буду говорить то, что думаю!

Арай почти улыбнулся, но Мейз сам оформил их общую мысль в слова:

– Именно за это я тебя и ценю, кузен. Сейчас любое честное мнение бесценно... даже, простите боги, такое.

– А что я неверно сказал? – Нарегга немного успокоился. – Раньше думал, что из твоего ручного кейсара и двух слов не вытянешь, а оказалось, что он болтун, крин заткнешь!

От услышанного слова Арай и Мейз застыли и медленно перевели взгляд на герцога. Винсент осторожно уточнил:

– Как ты сказал? Крин?

– Ну да, – тот не понял причины общего замешательства. – Все твои солдаты так говорят – я решил, что это какой-то северный говор, привыкаю быть своим.

Арай опустил взгляд, Мейз отложил бумаги и закусил губы, болезненно морщась. Невольное напоминание о Ви заставило его подумать и о собственной боли. Он молчал несколько минут, а потом очень тихо обратился к кейсару:

– Арай, я ненавижу тебя за сделанное, но ты прав в том, что я обязан разгрести последствия. Без тебя мне действительно будет сложно усмирить всех врагов. И сегодня, когда горожане радовались моему появлению, я окончательно поверил в то, что повторяла мне Нарра. Ты преследовал интересы – не свои, не мои, не моей семьи, а их, этих обычных людей, которые хотят просто жить в мире и порядке. Ты заслужил быть казненным – в назидание всем, кто хочет пролить королевскую кровь. Но если ты вернешь моего сына живым и невредимым – я дам тебе прощение. Ведь в Миране течет та же самая кровь.

Арай снова не придумал, что сказать. Он хотел бы помочь не ради своего спасения, но если Миран уже мертв, то ничего не попишешь. Пока хороших новостей от своих людей он не получил. Вернее, наоборот, сообщения не обнадеживали: хозяин придорожной ночлежки признал, что у него останавливались два путника, схожие с описанием, но дальше след терялся. Если Ви ушла во Мрак, то куда пропал Миран? Будь он жив, уже вернулся бы в герцогство.

С заключенными пришлось работать самому Мейзу, никому передать эту обязанность не получилось. Некоторые из них были осуждены лишь за резкое слово или слишком назойливое желание привлечь взгляд императора к какой-то проблеме, но надо было убедиться, что после того, как их отпустят, вернут земли и положение, они поддержат своего освободителя, а не иную сторону. Арай не спал уже пять суток – он настоял, что каждого нужно принудить к клятве верности, а проводить ритуал он должен лично. Нарушить сможет только тот, в ком больше силы, чем у него – а кейсары четырех и пяти кругов живыми не даются и уж точно их не остановили бы тюремные стены. В эффективности самой клятвы Сэрс не сомневался. Даже ему было очень сложно нарушить подобную – когда он убил императора, возникло сильнейшее желание воткнуть меч себе в живот. Преодолеть наваждение получилось, сосредоточившись на умирающей Ви. Нельзя было мешкать и заикливаться на прописанном в разуме поступке – надо было ее спасать. Ви... на которую он израсходовал пятьсот лет жизни, не оценила такого подарка. Не оценила его страданий – и сдохла где-то настолько далеко, что даже тело найти

не могут. И все-таки хорошо, что она умерла или ушла во Мрак, когда-нибудь воспоминания о ней ослабнут.

Арай просматривал документы, чтобы не дергать Мейза понапрасну, пока неожиданно не споткнулся о странную запись.

– Он еще жив?! – Знающий кейсара мог бы точно уловить огромную степень удивления в этом возгласе.

– Кто? – Его величество отвлекся от написания обращений в ордены, где призывал поддерживать законное престолонаследие и не сеять в империи смуту.

Арай протянул ему пожелтевший листок, указывая пальцем и объясняя:

– О нем однажды говорили гвардейцы. Его поймали двадцать девять лет назад. Он откусил язык, чтобы избежать допросов. Почему его не казнили?

В графе «имя» зияла пустота, а в столбце «преступление» было записано только одно слово – «демон». Донельзя изумленный, Мейз озадаченно покачал головой – ответа он тоже не знал. Возможно, про чистокровного просто забыли? Или раз уж тюрьма не слишком переполнена, от одного рта ущерба не будет? Или Саймон надеялся того рано или поздно разговорить?

Заключен демон был в одной большой камере с ворами-карманниками – и никто из последних на освобождение претендовать не мог. Арай и Мейз вошли вместе с охраной и пригляделись, пытаясь угадать в присутствующих чистокровного. Но на самом деле это была сложная задача – все грязны и с бородами, ни у одного не было каких-то явных знаков, выдающих чужеродное происхождение. Искомый привлек к себе внимание только тихим мычанием у стены.

Один из преступников охотно рассказывал, надеясь выторговать себе какие-нибудь поблажки:

– Он спятил давно – уж не знаю, то ли от пыток, то ли от одиночества. Тихий, как котенок. Если его не обижать, то ластится – ну в точности питомец. Любит, когда ему лохматую башку гладят – сразу лыбиться начинает, как будто к мамке обратно в пузо попал. Не видели бы мы собственными глазами черный дым от его пальцев, не поверили бы, что демон. Обычный мужик, только двинутый. Это что же, демоны только этим от нас отличаются? Или он настолько безумен, что забыл о своей жажде крови?

Один из надзирателей подтвердил:

– Трикошка верно говорит. Его перевели из одиночки, так присматривать проще, и ему в каком-то смысле веселее. Мы зовем его «Красавчиком», и это не ирония. Несмотря на возраст и сутулость, он идеально сложен, высокий, плечи широкие, ноги длинные. Я тут десять лет служу – ни разу от него проблем не видел. Все бы такими были. – На этих словах он глянул на других преступников, на что те скривились. – Как думаете, сколько ему может быть лет, генерал Сэрс?

Арай попытался определить – волосы демона седые, но сам кейсара пример того, что при правильном подходе этой особенностью можно обзавестись и в раннем детстве. Однако последнее слово заставило чистокровного поднять голову и мутным взглядом уставиться на него, как если бы впервые за долгое время услышал знакомое слово. Арай помнил перевод по медитации «тысячелетней жизни», но безумец как будто и не о свободе мечтал. Он неприятно засмеялся булькающими звуками, подполз ближе на четвереньках и в точности как собака начал его разглядывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.